

Салма Кальк

16+

Женитьба

дядюшки Жилы

Салма Кальк
Женитьба дядюшки Жила
Серия «Магический XVI век», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67869999

SelfPub; 2022

Аннотация

Остаться без мужа и без денег, зато с тремя детьми – и не такое случается. Есть старый замок, правда, до него далеко. Есть брат и его друзья, они не дадут пропасть. Есть возможность нового брака... что? Замуж? Опять? Вот за него? И что теперь, что принц, а вы его вообще видели? Не хочу и не буду! Вернуться из дальних странствий в разорённый замок, провалить интригу, потерять давнего друга и невесту – можем, умеем, практикуем. Но говорят, есть одна подходящая магически одарённая дама из приличной семьи, не жениться ли на ней? Как не хочет? Так не бывает!

Содержание

Пролог. Кто-то, где-то и когда-то	5
Часть первая. Красавица и чудовище	8
1. Красавица	8
2. Чудовище	13
3. Почему она?	21
4. К сестрице в гости	27
5. О делах и безделье	33
6. Бастион госпожи Мадлен	41
7. За ужином и после	47
8. По-родственному	54
9. Примерки	60
10. Три розы	67
11. Говорите, праздник?	73
12. Неудачная попытка	80
13. И ещё одна попытка	87
14. Страшно	94
15. Хватит авантюр	100
16. Бывшие родственники	105
17. Непонятные происки	111
19. Размышления	122
20. Легенды и жизнь	128
Часть вторая. Осада по всем правилам	135
1. Очень большой охотничий дом	135

Салма Кальк

Женитьба дядюшки Жиля

Пролог. Кто-то, где-то и когда-то

– Хорошо придумал, молодец. И где же ты возьмёшь сильного мага, который согласится для тебя что-то делать? Сильные маги, как правило, богаты и могущественны, им не до твоих бед.

– Можно уговорить или заставить. Скажем, у вдовы вашего старшего есть очень перспективный в этом плане брат.

– Он сумасшедший. На него не так посмотришь – и уже, считай, нарвался. Они ж, говорят, недавно с друзьями Безье разнесли по камушку, ни ворот не осталось, ни привратной башни, всё сожгли, даже камни, слышал? Знаешь, куда он тебя пошлёт, если его спросить? А если второй раз спросить, то не только словами пошлёт, а ещё магической силой, и шпагой добавит, чтоб не сомневался!

– Ты как первый раз родился. Спрашивать надо с умом и подготовкой. Кто мне рассказывал, что он за сестрёнку свою беспокоится, и даже, вроде, кому-то из вас за неё рожу чистил?

– Ну. Было дело.

– Так сестрёнкой-то его и прижать. Она вообще где?

– Так он же её забрал. Мы ей сказали – уезжай к себе, она и убралась. Вместе со своим выводком. Ещё не хватало – кормить тут их всех!

– А она была вот прямо совсем бесполезная, да? Брат у неё – маг, а она что – пустышка?

– Да нет, тоже маг. Не боевой только. Она это, там, обратиться, дыру зашить, ещё какую работу в доме сделать. Дом-то и подзарос, как она уехала! Ну и свет с теплом, и воду погреть умела. Такая, обычная.

– Обычная она ему! Ещё был бы сам магом, была бы обычная. А то сам никто, а туда же, магами разбрасывается! И что, говоришь, дети у неё? Тоже, поди, маги?

– Да три девки там, толку-то с них! Только у старшей какие-то способности и прорезались, и всё!

– Так лет немного, наверное. Дурак ты, и помрёшь дураком. Была бы она у вас дома – саму бы прижали, или детей её – и братец примчался бы её выручать, как миленький. А тут мы бы с ним и договорились. Да и вообще кто-нибудь из вас мог бы на ней жениться! Это раньше она девок рожала, а потом могла бы и мальчишек рожать. Магов, заметь.

– Да мне нельзя жениться, будто не знаешь.

– Так у вас там и кроме тебя ещё есть. Ты того, подумай. Я вообще терпеливый, но моё терпение уже кончается. Или плати долг – или находи мне мага, как хочешь. И сроку тебе на всё – десять дней. Понял?

– Понял...

Часть первая.

Красавица и чудовище

1. Красавица

– Мамочка, что за чудовище приходило к тебе? – раздался громкий шёпот, и из-за большого кресла показались два юных личика.

Чепцы где-то потерялись, ой, нет, под креслом валяются, причёски растрепались, платья все в пыли, и это при том, что в Пале-Вьевилье всегда очень чисто, хоть здесь и живёт множество людей – если и меньше, чем в королевском дворце, то не слишком. Где девочки всегда находят столько пыли?

– Аделин, сколько раз я говорила тебе, что нельзя так говорить о незнакомых людях? А вдруг это принц? – усмехнулась Мадлен, больше, правда, про себя.

– Мамочка, ну какой же это принц? – не поверила старшая дочь. – Принцы красивые! А этот – только одет красиво, а сам-то страшный! Настоящее чудовище!

– Нет, не похож он на принца, – авторитетно сообщила средняя дочь, Мари. – Принцы – не такие!

Уж конечно, обе они видели в своей жизни не так мно-

го принцев, чтобы судить уверенно, потому что из гостинной только что вышел самый настоящий принц. Племянник покойного короля Франциска, кузен покойного короля Генриха и дядя нынешнего короля Карла. Младший брат хозяйки дома, её высочества Катрин, герцогини Вьевилль.

Жиль де Роган – настоящий принц.

И стало быть, та, на ком он женится, станет настоящей принцессой.

И эта невероятная честь только что была предложена ей, Мадлен де Кресси, урождённой де Саваж, вдове неполных двадцати семи лет, матери трёх дочерей. А означенная Мадлен де Кресси, урождённая де Саваж, совершенно не понимала, что ей с этой честью делать.

– Дети, сколько раз я просила вас – не лазать под креслами и столами, и не подслушивать? Вас могут не заметить и чем-нибудь придавить. А подслушивать нехорошо.

– Но мамочка, как мы узнаем, что происходит? Ты же нам не рассказываешь! – возмутилась Аделин. – Мы ничего не знаем – ни сколько ещё тут жить, ни когда мы поедем к бабушке!

– Я сама не знаю, детка, – Мадлен обняла обеих дочерей. – К бабушке мы поедем, когда ваш дядя Жанно сможет нас сопровождать. А он далеко, и тяжело ранен, и я не знаю, когда мы теперь увидимся.

– А почему он ранен? Он с кем-то бился? – нахмурилась Аделин. – Он же непобедимый воин и могущественный маг!

– Увы, в спину могут подстрелить и непобедимого, и могущественного, – вздохнула Мадлен. – Он решал свои семейные дела, что-то там не сложилось с братом его супруги.

– Анжелики? – уточнила Аделин. – Она приедет к нам в гости? Она мне очень понравилась!

– И мне! – сообщила Мари. – Может быть, мы сами съездим к ней в гости? И она расскажет нам сказку! Никто больше не знает таких сказок!

Мадлен представления не имела, о чём таком рассказывала девочкам новоиспеченная супруга брата – по виду, сама девчонка девчонкой. Но эта девчонка отказалась от двух принцев и выбрала Жанно, и все говорили, что по любви. Да-да, принц Жиль де Роган и принц Анри де Роган, дядя и племянник, искали благосклонности этой девицы, и её богатого приданого, но – всё досталось Жану-Филиппу Саважу. И как так вышло, Мадлен не знала, у неё было не так много времени, чтобы поговорить обо всём с Жанно, когда они с Анжеликой приехали и забрали их с девочками из дома Анггеррана де Кресси, её покойного супруга. Потому что братьям того супруга она совершенно не нужна, зато дом на улице Сен-Этьен – нужен, и лучше уж жить под покровительством маршала Вьевилля, чем рассчитывать на милосердие мужниной родни.

Маршал Вьевилль – могущественный вельможа и сильный маг. Он женат на принцессе – тётке короля, его старший сын женат на принцессе – сестре короля. Его средний сын

тоже женат на принцессе, но – сестре короля соседней Арагонии. Его младший сын – высокопоставленный служитель церкви. В его руках армия. Хорошо, что он знает Жанно Саважа с детских, можно сказать, лет, и хорошо к нему относится. Потому что в его доме – как за каменной стеной.

Господин маршал Вьевилль был очень добр к ней и детям, и сказал – она может оставаться у них, сколько потребуется. Позже прибыла его супруга, принцесса Катрин, и подтвердила – Мадлен де Кресси с детьми не стесняет их никак. Но... не свой дом он и есть не свой дом, а где свой? Замок Варансон, до которого две недели пути?

По-хорошему, нужно было бы найти каких-нибудь людей, которые путешествуют в ту сторону, и отправиться вместе с ними. В Варансон, или вовсе в Саваж – к матушке, вдовствующей графине Шарлотте, по которой Мадлен назвала младшую дочь. Но ей было страшно покидать безопасный дом Вьевиллей – мало ли, что ждёт снаружи? Еретики, изменники, да и просто воры и разбойники – одинокая женщина всегда представляет собой лёгкую добычу.

Мадлен надеялась на то, что Жанно решит все свои семейные дела, и что-нибудь придумает. Он никогда не отказывал ей в помощи, наверное, поможет и тут. Но... Друг Жанно, его преосвященство Лионель де Вьевилль, сказал – он выздоравливает, но рана была тяжёлой, его спасли только потому, что вовремя переправили порталом аж в Фаро, а там – лучшие целители, какие только вообще могут быть. Мад-

лен очень слабо представляла, где находится Фаро, понимала только, что – далеко, даже дальше родного Саважа. И что Жанно, когда поднимется на ноги, не прибежит первым делом решать её сложности – у него теперь есть свои.

Почему-то Мадлен думала, что сможет справиться сама. Уедет в Варансон – как-нибудь, и будет там тихо жить с детьми. Но с ней к Вьевиллям отправились только три служанки – её горничная Одиль, нянька младшей, Шарлотты, Луиза, и Николь, воспитательница старших девочек. Четыре женщины и трое детей отправляются через всё королевство? И далеко ли они уедут?

Конечно, новое замужество было бы достойным выходом. Это свой дом, это какая-никакая защита, это обеспечение. Но...

2. Чудовище

Его высочество Жиль де Роган – принц, придворный маж короля Карла Девятого и прочая – сидел в гостиной доставшегося от отца столичного дома возле камина, поглаживал своего огромного кота и размышлял.

Всю свою жизнь, то есть – последние без малого тридцать лет, примерно с шестнадцати – он прожил сам по себе и сам за себя. И неплохо прожил, что там – грех небеса гневить. И искренне думал, что или так и помрёт, сам-один, да ещё на чужбине, или вернётся, и...

Что там было, в этом «и», он никогда не задумывался. Вернётся со славой, и получит всё, что таким, как он, причитается – и по праву рождения, и за его собственные заслуги и подвиги.

Но вышло иначе.

Здесь, дома, приключения и подвиги Жилия де Рогана в удивительных дальних странах не интересовали ровным счётом никого. Никто не спешил к нему с деньгами, почестями, приглашениями в гости – и просто не спешил. Ему самому пришлось напомнить о себе и родне, и старым приятелям.

Родня – две сестры, одна вдовая, другая замужняя. У вдовой Анриетты тоже не было никого, она тихо жила в замке покойного мужа, еле таскала ноги после магического исто-

щения, но на судьбу не роптала. Замужняя Катрин наоборот – являла собой образец супруги, матери и бабушки, да-да, шестеро детей обоего полу, и уже столько же внуков, если не больше, и это ещё младшего сына отдали церкви, а две младшие дочери пока не замужем. Ещё был племянник Анри, сын старшего брата Франсуа, уже покойного, молодой человек девятнадцати лет, наследник фамилии Роганов и владелец приличных богатств.

В общем, семья как-то жила все эти годы без него, и неплохо жила, на самом-то деле. Более того, и Катрин с мужем, герцогом Вьевиллем, и Анриетта вполне искренне приглашали погостить – пока сам не обустроится. Но Жилю не хотелось гостить, он снова хотел сам.

Увы, городской дом и замок Акон, доставшиеся ему по завещанию отца, принца Людовика, являли собой нечто, не очень-то подходящее для столь высокородной особы. И он совсем не представлял, с какой стороны братья за эту свою новую жизнь – хоть обратно на Восток беги, да только здоровье уже не то, и не ждут его там. Здесь не ждали, а там – и подавно.

Жилю было проще придумать интригу и историю, чем нанять прислугу, он так и сделал. И изрядно напортачил – с той интригой. Правда, в итоге всё равно остался в выигрыше – потому что обрёл дочь.

В своих странствиях Жиль иногда подумывал, что вот неплохо было бы – если бы был у него сын. Или – сыновья.

С ними можно было бы заниматься магическими искусствами, вместе придумывать те самые истории и интриги, и добывать какие-то блага земные. Но жизнь распорядилась так, что на родине у него отыскалась дочь – прелестная взрослая девушка, маг-целитель, и не только целитель. Жиль в первый момент всё равно что ещё раз по голове получил, потому что представления не имел – что делать со взрослой дочерью. Что с ними вообще делают, с дочерьми – замуж выдают?

Жакетта оказалась племянницей его приятеля Флориана де Безье и начинала в камеристках у его дочери Анжелики, а потом уже добрые люди помогли ей развить свой немалый дар. Она наполнила жизнью и замок Акон, и мрачный городской дом, и Жиль, прямо сказать, привязался к ней мгновенно и накрепко. Она играючи решала все непонятные вопросы со слугами, с поставками продовольствия, с мелким ремонтом – что в Аконе, что в столице. Он попытался ответить в силу своего разума, но Жакетта наотрез отказалась от замужества за каким-нибудь из принцев. Принцев много, нашли бы подходящего. Но оказалось – прелестная дева влюблена в нищего виконта де ла Мотта.

Правда, при ближайшем рассмотрении нищий виконт оказался не так плох – он был изрядно одарён свыше магической силой и прилежно учился ею пользоваться, время от времени устраивая разные каверзы, на некоторые из них у самого Жилия в том же возрасте не хватило бы ни сил, ни выдумки. Звался он Орельеном, вырос при племяннике Анри,

а теперь перебрался к Жилию следом за Жакеттой. Парень к ней весьма неровно дышал, и с восторгом слушал рассказы Жилия о дальних странах и магических приключениях – ему они пришлись очень даже по нраву. Более того, он был готов поучиться у Жилия тому, чего пока по малолетству не умел сам.

Так что у его высочества вдруг оказалась подопечная молодёжь – дочь и жених дочери. Жениху, правда, хотелось что-нибудь дать – ну там, земли, или замок какой попримечнее, потому что где они потом будут воспитывать его, Жилия, внуков? А что рано или поздно народят, сомнений не было.

В общем, нужно было как-то устраиваться в жизни. И по представлению зятя, герцога Вьевилля, Жилию было предложено очень своевременно освободившееся место придворного мага. Прежний запятнал себя участием в заговоре против королевской фамилии, оказался организатором беспорядков в ночь святого Бонифация и был убит во время штурма королевского дворца, туда ему и дорога. А Жиль думал-думал – ещё не хватало, он и придворная должность, скажете тоже! – и согласился.

А далее хотелось бы расширить семью. Дочь – это чудесно, но она уже почти что замужем, и вообще собралась отправиться в Фаро – учиться целительству, и не только. И Жиль эту идею, страшно сказать, одобрял – потому что понимал всю необходимость полного и своевременного магического образования. Это стихи можно не писать, и песен-

ки не петь, а магии, если уж свыше дана, надо учиться. И чем больше дано, тем серьёзнее учиться. Поэтому – пусть отправляются, только поженить бы их сначала.

И неплохо бы самому найти жену. Совсем неплохо – магически одарённую жену. Правда, магов в принципе меньше, чем обычных людей, и не во всех семьях готовы признаваться, что их дочери – маги, но можно ведь найти? Просто чтобы вероятность рождения магически одарённых детей была выше. Так-то у него, конечно, получилась неплохая дочь даже и при том, что мать её магом не была, а если бы была?

Анжелика де Безье, на которую он, было, нацелился, стала женой графа Саважа – и ни один здравомыслящий человек не будет становиться между этими двумя сумасшедшими. Да и не был Жиль до конца уверен, что ему нужна жена, которая в припадке гнева плавит железные ворота и каменные стены. Саважу же – самое то, что надо.

Но эта самая Анжелика и предложила ему вариант, который он, подумав, решил попробовать осуществить. У Саважа имелась сестра, точнее, там был целый выводок сестёр, и все, как одна, маги, и все замужние. Кроме самой младшей, которая овдовела в недавних беспорядках, и осталась одна против троих братьев покойного мужа, желавших её дом и что-то ещё из её имущества. Саваж определил её в дом к маршалу Вьевиллю – пока, до каких-нибудь лучших времён. А потом его невероятная во всех отношениях супруга придумала – а не хотите ли, господин Жиль, взять в жёны ма-

гически одарённую даму из приличной семьи? У дамы уже есть три дочери, и старшая из них – вполне себе маг, пока не понять, какой, но маг же. Так что глядишь, и вам родит ещё парочку этих самых магов, будете воспитывать.

Правда, Анжелика глянула на него сурово и сказала – чтоб даже и не думал даму заставлять или привораживать. Говорит, мол, что если крутой – так пусть идёт и ухаживает, сумеет очаровать – будет его, ну а не сумеет – сам дурак. Вот прямо этими словами и сказала, паршивка такая. А супруг её, брат потенциальной невесты, только стоял рядом и посмеивался, и кивал – правильно, мол, говорит, Мадлен у нас хорошая, принуждать её ни к чему не нужно, а более всего – к замужеству. И поскольку тот Саваж обещался с сестрой поговорить, то Жиль подумал – и согласился.

И даже согласился дать магическую клятву, что не будет принуждать и привораживать. А сейчас уже думал – не поторопился ли? Может, обошлись бы без той клятвы – ну, как-нибудь?

Правда, вышло всё не так, но когда оно выходит так? Помянутый Саваж получил два арбалетных болта в спину при штурме замка Безье – родственные отношения бывают весьма сложными и запутанными. И выжил только благодаря тому, что его ближайшие друзья – дети герцога Фаро, и один из них – искусный порталщик, он и переправил умирающего к тамошним целителям практически мгновенно. А целители там отличные.

Но Жилью-то пришлось справляться самому!

Он заглянул в гости к родичам – посмотреть на даму, что она из себя представляет-то? Дама оказалась на вид очень молода, даром, что три дочери, стройна и хорошо сложена, выглядела скромно и строго, глаз не поднимала, и разве что из-под чепца торчал завиток медно-рыжих волос. Откровенно говоря, в ней не было ничего особенного. Но почему-то Жиль думал о ней целый вечер, и потом ещё половину ночи, и утро – прежде, чем решиться на разговор.

Решился, называется. Вдовушка глянула сурово – ему, правда, показалось, будто обожгла – и сказала, что не думала пока о повторном замужестве. Что ему оставалось? Только попросить не отказывать ему сразу и в лоб, а дать, что называется, шанс. Позволить навещать её и беседовать с ней. И потом, позже, спросить ещё раз. На это уже ей было нечего возразить, она и не возразила, вздохнула только. И сестрица Катрин утверждает, что нет там никакого поклонника, это у неё самой что-то в голове. Эх, женщины, вечно у них что-то в голове.

Жиль вдруг понял, что не знает – а что им вообще надо-то, женщинам? Он ещё не стар, сорок шесть – это не старость, особенно для мага. Зятю-маршалу за шестьдесят, а его старым никто не назовёт. Что лыс – ну, так вышло, мог бы быть золотистым блондином вроде любого из племянников-Вьевиллей, да и был – до определённого момента. Хром – ну тоже невелика беда, верхом-то ездит, как дай бог всякому здо-

ровому. И то Жакетта, его золотая девочка, ему ногу неплохо подлечила, можно на неё опираться почти без боли и иногда – даже без посоха.

Да и вообще, он принц и Роган. И уже не первая такая вот особа ему – ему! – отказывает, и даже не вторая – он-то знает, что на самом деле Анжелики де Безье было две. И ни одной он не глянулся. И теперь вот ещё госпожа Мадлен.

Эх, шла бы речь о паре ночей – не посмотрел бы на запрет, воспользовался бы магией, хотя бы в самом начале. Но он-то хочет не на пару ночей, да и госпожа Мадлен ему, откровенно говоря, приглянулась, с ней бы попробовать по-настоящему.

Значит, придётся понимать, как оно вообще, когда по-настоящему.

3. Почему она?

Мадлен не могла уснуть до полуночи – думала о странном предложении Жилия де Рогана. Откуда на её голову взялся один из первых вельмож королевства? Где подвох? Потому что поверить в то, что она заинтересовала его сама по себе, не выходило никак.

Когда она впервые услышала о нём? Зимой, когда весь королевский двор обсуждал его возвращение из дальних странствий и таинственное завещание его брата? Или раньше?

Да ничего она не знала.

То есть как, знала, конечно, что существуют в природе Роганы. Как королевская семья, как Вьевилли, как Рокелоры, как Марши, в конце концов – всё это примерно про одно. И одного даже знала лично – потому что братец Жанно каким-то образом в своих дальних странствиях сдружился с целым одним Вьевиллем, и потом уже, по возвращению, через него – с его кузеном Роганом. Тому Рогану Жанно их с мужем даже как-то представил – звали его Анри, и был он весьма юн, ещё младше Жанно, а тот у них в семье самый маленький.

И в связи с этим Анри Мадлен и услышала про его родственника, Жилия.

Болтали, что тот давным-давно рассорился с остальным

почтенным семейством и отправился восвояси, или что он совершил что-то такое, за что собственный отец, принц Людовик, брат короля Франциска, выгнал его из дому и запретил возвращаться. Мадлен не знала, сколько правды было в тех рассказах, но историю эту притащил в дом младший брат мужа, Жан-Люк, который единственный из всех четверых братьев Кресси имел придворную должность – под началом главного ловчего. Он и сообщил – что Жиль де Роган явился ко двору, потрясая каким-то завещанием, и требовал часть имущества своего покойного брата, отошедшего ныне к племяннику, тому самому Анри.

От Мадлен тогда ещё потребовали рассказать, что она знает про того Анри – ведь это друг её брата! Но поскольку за разговоры с друзьями брата с неё в этой семье всегда весьма строго спрашивали, она только плечами пожала – по имени знаю, и в лицо, потому что видела, да и всё.

Позже до Мадлен долетали разве что отголоски – например, когда тот самый Анри прибыл ко двору с невестой, Анжеликой де Безье, они с мужем подходили познакомиться – Жанно зазвал. И просил быть внимательными и смотреть в оба – мало ли что, всё же родичи, а чего ждать от того Жилия – никто не знал. Но о том же он просил и сестрицу Мари с мужем, бароном Эспри. То есть, шума было много, а самого Жилия Мадлен и не видела. Надеюсь – когда вся эта история завершится, Жанно придёт в гости, сядет в гостиной и всё-всё ей расскажет. Он-то в самом центре событий! И Мадлен

тогда ещё не понимала, насколько в центре событий.

А потом случился заговор еретиков в ночь святого Бонифация – маршала Мартена, короля Рокелора и всякой местной швали, которой лишь бы побунтовать. Жанно предупредил Мадлен, а она – всех четверых братьев Кресси, ну да кто ж будет её слушать? Потащились все четверо, посмотреть, что там происходит, и вдруг удастся себе что-нибудь под шумок добыть, а вернулись – втроём. Нет бы, как тот же барон Эспри, уехать с семьёй из столицы! Замок Кресси невелик, зато находится недалеко, всего-то полтора дня пути, уехали бы и отсиделись. Но Жан-Люку, следующему за её Ангерраном, очень уж хотелось что-нибудь в тех беспорядках себе приобрести. Вот и приобрёл – старшинство в роду. И немногочисленное фамильное имущество.

Мадлен не знала, что б она делала, если бы не Жанно, который вдруг нашёлся, и вдруг оказался в столице, и только услышал её – как сразу же сказал, что сейчас приедет. И приехал – со своим ближним человеком Марселем, охраной и молодой женой. Мадлен бы сама не поверила, если бы ей кто сказал, что Жанно женился, потому что... это было не про него. Потому что любая, кого он замечал, была его и так, безо всякой женитьбы. А тут ещё и не просто жена, а бывшая невеста того самого принца Рогана, та самая девица де Безье!

Девица де Безье, то есть теперь графиня де Саваж, при близком знакомстве выглядела престранно. Нет, она была красавица, это Мадлен заметила ещё при дворе. И одета рос-

кошно – как же, богатая невеста, на шее жемчуга стоимостью как весь замок Кресси, и пояс золотой, как пол-Саважа. Но – бойкая, языкастая, глядит дерзко, а Жанно смотрит, слушает и умиляется. Наверное, и вправду влюбился.

В тот день они очень помогли – стоило ей только рассказать, что с ней и как, и они оба сказали – нечего здесь оставаться, нечего надеяться на милость Жан-Люка или Гектора, или Оноре. Пока – поедем к господину маршалу, а потом – будет видно. Что-нибудь придумаем.

И пока Мадлен собирала вещи, новоиспеченная невестка ещё и за детьми приглядывала – собрала их в кучу, села вместе с ними на ковёр и сказки рассказывала. Да так, что девочки до сих пор помнят. За что ей, конечно, спасибо.

А потом Жанно с супругой уехали, сначала – куда-то, где прятали его величество, потом в Лимей, потом в Безье, и где-то там они стакнулись с тем самым Жилем. Мадлен не отказалась бы узнать подробности, но – это станет возможным, когда Жанно вылечат. Когда он встанет на ноги и вернётся в столицу из далёкого Фаро.

Своими глазами Мадлен увидела его высочество только вчера. Он пришёл на обед к сестре и зятю, и она сначала не поняла вовсе, для какой такой надобности её вытащили из комнаты, где она занимала младших девочек, ещё до обеда. А там – представили гостю.

Гость оказался высок и строен, но абсолютно лыс, и смотрел так – будто хочет съесть заживо. И ощущение от него бы-

ло такое, что глаз поднимать от тарелки не хотелось, а только зажмуриться и бежать. А ещё Мадлен присмотрелась – боже мой, у него ж пальцев на левой руке не хватает! Безымянного и мизинца. И ходит он с посохом. Наверное – старый... Хотя что, покойному Ангеррану было чуть за сорок, и брюхо у него было побольше, и ходил он хоть и без посоха, но с боку на бок переваливался. И ещё у него пахло изо рта, потому что зубы не чистил, как с детства не приучили, так и она не смогла приучить. От принца Рогана не пахло ничем недозволенным, или она не подходила так близко и не принюхивалась – опасалась. Вообще нюх у неё всё равно что звериный, так странно вывернулись в ней магические способности, и сильные запахи Мадлен переносила с большим трудом. Но – могла обнюхать человека и составить о нём какое-то впечатление.

В Жиле де Рогане она не унюхала ничего особенного. Просто – одежда, немного пот, немного лошадь. То есть – несмотря на хромоту, перемещается он верхом. Наверное, это ему в плюс. Но было там что-то, не запах, не вот прямо запах, а какое-то ощущение... в её представлении это ощущение было связано с сильной и мощной магией. Наверное, в ней всё дело, а в чём ещё-то?

Мадлен пыталась вспомнить – а какого цвета у него глаза? Не вспоминалось. Помнилось только, что страшные. Или – смотреть ему в лицо страшно. Потому что как впился в неё теми глазами... Никто на неё так не смотрел, даже пьяные

брatья Ангеррана. А этот... видимо, раз принц, то всё можно. И смотреть, как будто нелюдь – тоже.

Кто его вообще знает, где его носило, по каким таким чужедальним землям, и что он там вообще делал. Ну да, сильный маг – это даже Мадлен понятно, хоть она сама и не может похвастаться особой магической силой, у них в поколении вся сила досталась Жанно, и правильно это – потому что он мужчина и глава семьи, ему нужнее. И что теперь, раз принц и сильный маг, то всё можно? Вот зачем она ему – немолодая вдова с тремя дочерьми?

И придумать ответ на этот вопрос Мадлен не смогла, как ни старалась.

4. К сестрице в гости

Жиль отправлялся из королевского дворца, но – не домой, а к сестрице Катрин. Или даже к её супругу – нужно было с ним кое-что обговорить, важное для обоих. Катрин на вызов ответила и сообщила, что богоданного супруга где-то с утра носит, но к ужину с большой вероятностью принесёт домой, так что пусть братец Жиль направляется прямо к ним и даже не раздумывает. Отлично.

Дочь сообщила, что допоздна задержится у наставника, целителя Сен-Реми. И что Орельен сопроводит её домой, они уже договорились. Нет, больше никого не надо, если что – они отобьются.

Жакетта уродилась в Роганов – прелестная блондинка с голубыми глазами, и слышать от неё вот это «мы отобьёмся» Жилию было непривычно. Но – девочка бывала в бою и умеет отбиваться. Точнее, отбиваться будет Орельен, он в бою неплох, а она – держать ему щит. Они умеют, тренировались. Жакетта жалеет, что племянника Лионеля нет в столице – с ним, говорит, были очень толковые тренировки. И ещё с графом и графиней Саваж. Ну да, графиня Саваж ей подружка. Ладно, вернётся Лионель в столицу – надо будет попросить, пусть заглядывает к ним иногда. Или привозить Жакетту в Пале-Вьевилль.

Жиль кивнул сопровождавшим его молодым людям – их было трое, не считая Орельена, и взялись они от зятя-маршала. Все владели магией, но – ещё не в полную силу, потому что молодые. У всех где-то далеко были какие-то благородные родители, которые додумались, что детей нужно не дома мариновать, а учить уму-разуму, и пристроили к маршалу, а от маршала уже они попали к Жилю.

Сначала повздыхали и поморщились – из двух зол они, конечно же, если бы их кто спросил, выбрали бы нормально-го военного, а не какого-то хромого мага. И даже то, что хромой-то стал магом его величества, дело поправило не сильно. Ну и ладно, пусть их.

Вообще Жиль совершенно не был уверен, что эти молодые дарования ему нужны. Вон, Орельен хочет у него учиться – так и учится, а эти лбы зачем? Но дорогой родич сказал – положено. Нечего принцу из Роганов ездить по столице одному, то есть – только лишь с охраной непонятного свойства. У такого вельможи должны быть при себе какие-то люди, а если ты их, дорогой родственник, не удосужился завести сам – таких, каких тебе надо – то будешь ездить с теми, кто оказался под рукой. Глядишь, и сам привыкнешь, и из молодёжи что-нибудь выйдет. Ещё усмехнулся – можешь, сказал, их побить. Глядишь, и проникнутся уважением.

Конечно, способ был предложен работающий, но на взгляд Жилия – слишком примитивный. Если бы нужно было приручить молодёжь быстро – он бы так и сделал. Но пока

его никто не торопил, поэтому – как будет, так и будет.

И сейчас четыре головы склонились в приветствии – чёрная кудрявая, рыжая хвостатая, белокурая коротко стриженная и пепельная. Орельен де ла Мотт, Робер д'Аккарен, Даниэль Жироль, Жером де Сен-Мишель. Они по очереди помогали Жилию забраться в седло, сегодня была очередь Орельена. Что поделаться, проклятая нога не позволяет нормально сделать многое из того, что он раньше и вообще за дело не считал. Ну подумаешь, сесть в седло? А вот ведь.

Но в седле проще, чем на своих двоих. И вороной Вихрь терпеливо стоит, ждёт, пока Жиль сообщит ему – куда дальше.

– Де ла Мотт и Сен-Мишель – домой. Остальные со мной в Пале-Вьевилль.

Жерому не хотелось домой, остальным – в дом маршала. Ничего, не развалятся. Один Орельен доволен – он отправится за Жакеттой.

И Вихрь тоже не возражает – по мостовой лучше, чем стоять в конюшне.

В Пале-Вьевилль Жилия всегда встречали безукоризненно вежливо – понимают, держат престиж дома и его хозяина. Как бы ему-то своих выучить? А то не приведи господь, ещё придётся гостей принимать? Да не тех, кто его и так знает, а каких-нибудь этаких?

Правда, сестрица Катрин утверждала, что всё образуется. Постепенно. И что её дражайший супруг тоже завёл свои по-

рядки не вчера, а понемногу, в течение тьмы прошедших лет. Просто все привыкли.

Она встретила Жилья в своей гостиной, и там с ней сидели её дочь Шарлотта, герцогиня де Лок, и Мадлен де Саваж, то есть де Кресси. И они втроём разглядывали какие-то вещи, которые при его появлении вручили горничной, и та их унесла. Зато вторая горничная принесла поднос с арро и закусками.

В принципе, идею о магической страже, то есть – внедрении магов и магической связи в некотором потребном количестве в городскую стражу всех крупных поселений королевства можно было в первом приближении обсудить и с Катрин. Супруга маршала во что только не вникала за свою жизнь – и в политику, и в придворную жизнь, и в дела веры, и в дела охраны тоже. Она с любопытством слушала и задавала вопросы, а девицы, то есть замужние дамы, внимали молча. Шарлотта – с улыбкой, а госпожа Мадлен – настороженно. Жиль же был доволен, что его слушают и готовы обсуждать то, о чём он говорит.

– Жиль, я благодарна тебе за рассказ, – кивнула Катрин, когда он высказал всё, что хотел. – Но тебе всё равно придётся повторить для Годфри, когда он вернётся, точнее даже – после ужина. Ты ведь останешься на ужин?

Конечно, он останется на ужин. Только предупредит Жакетту – пусть его не ждут.

– Вот и отлично, – продолжала сестрица – А пока – могу

я попросить тебя?

– Конечно, – кивнул Жиль, не ожидая подвоха.

– Будь добр, выведи Мадлен подышать в наш сад. Она уже совсем одного цвета со своим чепцом, потому что всё время сидит в комнате, – дорогая сестрица ещё и усмехается!

– А госпожа Мадлен согласна пойти со мной в сад? – вкрадчиво спросил Жиль, глядя прямо на названную особу.

Особа вздрогнула – вот прямо вздрогнула.

– У госпожи Мадлен в том саду дети играют, – усмехнулась Катрин. – Они проследят, чтобы с ней ничего не случилось.

Ещё и дети. Спаси господи. Во что такое он ввязался-то?

– Пойдёмте, госпожа Мадлен, не будем гневить её высочество, – Жиль поднялся, опираясь на посох, и подал даме руку.

Дама встала и, не поднимая глаз, подала свою. Тонкие длинные пальцы с аккуратными ногтями. Руки у мага – рабочий инструмент, так и хотелось поближе рассмотреть эти.

Он вывел даму за дверь и поднёс её ладонь поближе к лицу. Пальцы гибкие, ладонь небольшая и твёрдая, на подушечках пальцев мозоли и дырочки в коже – интересно, от чего такое бывает?

– Что вы делаете? – дама дёрнулась, попыталась выдернуть у него руку, но он не отпустил.

– Простите, госпожа Мадлен, – улыбнуться ей, коснуться ладони губами, легонько пожать руку. – Не удержался.

Она не выглядела средоточием магической силы подобно Анжелике де Саваж, его прошлой несостоявшейся невесте. Но это и хорошо, он не был готов делить своё жилище со сгустком необузданной энергии, каким оказалась та Анжелика. А эта особа хорошо держит свою невеликую силу под контролем, и это – замечательно.

Сейчас же можно идти, держать её за руку и даже о чём-нибудь говорить. Но великого Жиля де Рогана разбила немота и глупость – неожиданно для себя он не мог собрать и пары слов, и отчаянно не понимал, о чём с ней говорить.

А пока лучше говорить – молчать они ещё будут, потом. Если перед тем договорятся.

5. О делах и безделье

Мадлен пришла к её высочеству Катрин – та прислала за ней служанку. Принцесса восседала в гостиной, где обычно принимала посетителей, и с ней была старшая дочь – герцогиня де Лок. Её тоже звали Шарлоттой, как младшенькую девочку Мадлен, и у неё самой уже подрастали сын и дочь. Мадлен нравились обе дамы, они спокойно вели себя, вежливо общались с гостями, даже если те сидели на их шее, и... хорошо пахли.

Принцесса Катрин пахла большим хозяйством и спокойной уверенностью. Герцогиня Шарлотта – примерно тем же, но послабее, и ещё – дерзостью юности, хоть ей и было уже под тридцать. Она давно жила своим домом, но во время беспорядков муж привёз её и детей сюда, потому что сам он находился при армии, его отец – при короле, а дом их располагался в беспокойном квартале Сен-Жак. Там жили люди небедные, но среди них хватало сторонников реформированной религии, и кто знал, как они поведут себя с соседями? Поэтому госпожа герцогиня и дети пребывали под покровительством господина маршала, и были веселы и довольны.

На столике стоял большой плетёный короб с крышкой, и обе дамы увлечённо вынимали оттуда какие-то вещи.

– Посмотрите, Мадлен, что мы нашли, – пригласила её присесть рядом принцесса. – Возможно, вашим девочкам подойдут какие-то из этих вещей?

Да, в коробе лежали сорочки, платьица, чепчики и чулки – да какие! Впору принцессам, да это всё принцессы и носили. Очень хорошего качества ткань, что лён, что шерсть, и есть даже платьице из заморского золотистого шёлка, ну ничего себе! Ой, и красное бархатное платье, всё расшитое золотой нитью. Но наверное, её высочество не имела в виду его?

Ой, имела. Принцесса улыбалась и говорила – кажется, это платье подойдёт вашей старшенькой, Аделин. И на все слова о том, что такое платье пристало дочери госпожи Шарлотты, только отмахивалась – мол, Изабель не любит этот цвет, и отказывается надевать, поэтому возьмите и покажите вашей Аделин – вдруг ей понравится? А вот это шёлковое подойдёт для Мари. И посмотрите ещё туфельки, вот, четыре пары.

Мадлен чувствовала себя очень неловко – будучи замужем, она не роскошествовала, но необходимый минимум всегда был. И запасы еды, и одежда. Она многое шила сама, ей помогали горничные – сорочки себе и Ангеррану, и даже его братьям, одежду детям. И если для себя Мадлен могла раскроить и юбку, и лиф, и даже корсет, то в пошиве мужской одежды не понимала ничего. Мужу и деверям приходилось тратиться на портного, но – нечасто, часто не выходило. Поэтому Мадлен научилась ювелирно штопать дыры –

порванные и протёртые.

И уж конечно, никто не думал о том, чтобы сшить девочкам нарядные платья. Всегда ходили в льняных или шерстяных, разве что Мадлен старалась украсить их вышивкой – стебельками или цветочками. Девочкам нравилось.

Ой, что будет, когда они увидят наряды от принцессы! Мадлен уже очень хотелось на это посмотреть. Но...

Они как раз добрались до дна короба, когда слуга доложил о том, что пришёл брат её высочества. Хромой принц, которому Мадлен уже почти отказала, но он очень просил не торопиться и позволить ему приходиться и беседовать с ней. Она не нашлась с ответом, а теперь жалела.

Уж конечно, вещи пришлось отправить в их покои, весь короб. Но ничего, принц же не навсегда пришёл? Как пришёл, так и уйдёт. Поговорит – и уйдёт. Или Мадлен извинится и уйдёт.

Говорил он, кстати, интересно и убедительно. Но где ж взять столько магов, чтобы в городскую стражу? Маги обычно занимаются, чем поважнее, воюют там, или ещё что делают. Но наверное, принц знает, о чём говорит.

А потом... Её высочество велела ему подниматься и погулять с Мадлен в саду. Вот не было печали! Только ещё в сад она с этим принцем не ходила, да и вообще, как он пойдёт-то, хромой же!

Впрочем, пришлось встать и подать руку. Которую этот принц зачем-то стал трогать и разглядывать! Что ещё за но-

вости, зачем ему её рука? Колец на ней нет, других украшений и магических знаков – тоже. Что он вообще хочет?

Правда, извинился. И поцеловал пальцы – ну, как поцеловал, легко коснулся, но она успела ощутить его тёплое дыхание. Ну кто так делает-то, и зачем, руку целуют так просто, для вежливости, вместо приветствия. Какое там дыхание-то, ткнутся – и всё. А этот что?

Но пришлось вдохнуть и выдохнуть. И отправиться с ним на прогулку.

Блажь какая – гулять в саду! Что там делать-то? Дома, в Саваже, никто ни с кем не гулял. Дети гуляли – сами с собой и с другими детьми, а как становились хоть немного взрослыми, так уже нужно было учиться и другие серьёзные дела делать. Хотя, конечно, мальчишки – Жанно и его приятели из дворни – то и дело лазали то по крышам, то по окрестным горам. Девочкам такой воли не давали, нужно было учиться вести хозяйство и рукодельничать.

В замужней жизни Мадлен тоже не знала безделья – потому что братцы Кресси в хозяйственных вопросах были, прости господи, полными болванами. Их уродилось четверо на небольшой замок и небольшой городской дом, ещё меньше, чем у Саважей. Арендаторы платили через пень-колоду, прислуга в замке и в доме работала больше за еду и крышу над головой, чем за деньги. Их отец погиб в какой-то заварушке, когда старшему было лет двадцать, то есть – задолго до свадьбы Мадлен, а их почтенная матушка потом с трудом своди-

ла концы с концами. И Мадлен радовалась, что её приданое – это не деньги, а крошечные владения, с которых хоть какой-то живой доход, потому что деньги ушли бы мгновенно и насовсем, а тут – всё же подспорье. Управляющий Варансоном был немного маг, самую малость, и умел пользоваться магической связью, это очень помогало. А поскольку никто из братьев Кресси магом не был, и желания отправляться в Варансон и жить там не имел – Мадлен решала все тамошние вопросы единолично и самостоятельно. И хорошо, потому что в противном случае неизвестно, что бы от него к сему моменту осталось.

Так вот, прогулки. Какие тут прогулки! Гулять в столичном доме негде, нет там сада, только маленький внутренний дворик. А вокруг замка Кресси леса, но кто ж пойдёт гулять в лес, в котором кабаны и волки! Муж и девери охотились, дичь появлялась на столе регулярно, и хотя бы в этом приносили хозяйству какую-то пользу.

Но сейчас Мадлен чувствовала себя не в своей тарелке.

Впрочем, поняла она, хромой принц тоже не очень-то знал, что с ней, Мадлен, следует делать. Он поглядывал на неё своими страшными глазами и будто хотел что-то сказать, или вытворить, но после того, как она один раз дёрнулась – сдерживался. Мадлен представления не имела о том, что в голове у принцев, особенно – таких вот, которые жизнь жили, не как то принцу подобает, а вообще непонятно как и где.

Она подумала, что если бы он был ей интересен, то можно

было бы спросить о нём самом. Но вдруг ему того и надо? Она однажды сделала такую ошибку – принялась расспрашивать приятеля Ангеррана, который делал ей недвусмысленные авансы, и утверждал, что и муж не узнает, и от неё не убудет, и вообще ей понравится. Что там могло понравиться – Мадлен искренне не понимала, и принялась отвлекать его от своей особы, спрашивая про него самого. И он, скотина, вообразил, что раз так – то он ей глянулся, и пришлось через пару дней немного попугать его магически, потому как он решил, что можно и руки распустить. Для представителя серьёзной магической семьи Мадлен умела мало, но чтобы напугать не-мага, много и не требуется. Это потом уже она поняла, что нужно было поступить ровно наоборот – улыбаться, хлопать глазами и трещать самой – о кухне и о детях. Эту трескотню не выдерживал решительно никто, даже Ангерран обычно приказывал ей замолчать, стоило только придать лицу соответствующее выражение и рассказать о свежих проказах Аделин.

Но почему-то Мадлен не хотелось сейчас говорить о том, как девочки прятались под столами в обеденной зале, а Аделин училась магически подслушивать взрослых, и была за этим занятием изловлена господином маршалом собственноручно. Он принёс её, извивающуюся и вопящую, к Мадлен, и очень попросил больше так не делать. И потом уже Мадлен сама сделала дочери внушение, но подозревала, что не имела особого успеха, и Аделин при случае попробует

ещё раз. Упрямство у детей было от их отца, а внешность, и как надеялась Мадлен, сообразительность – от Саважей. Впрочем, Саважи тоже те ещё упрямцы, так что – прекрасная наследственность с обеих сторон.

– Госпожа Мадлен, – о, принц собрался-таки что-то ей сказать.

– Да, ваше высочество, – пролепетала она.

Почему-то у неё при нём язык не поворачивался обычным образом, как примерзал где-то там во рту. Если он её не трогал, конечно, и в ладонь ей не дышал.

– Вы не получали известий от вашего брата в последние дни?

О да, у них есть ещё одна общая тема, и это Жанно. О нём можно говорить, это безопасно.

– Пока нет, увы. Я говорила с его супругой – по магической связи. Как-то так вышло, что я вызывала его, а отозвалась – она. Просила прощения, что ответила вместо него, сказала – подумала, что-то важное.

– Госпожа Анжелика продолжает удивлять. Надо же, смогла ощутить вызов, адресованный не ей, но, очевидно, очень близкому человеку. Только слышал, что так бывает. Или у меня не было настолько близких людей? – он вздохнул. – И как? Было там важное?

– Я хотела узнать, как он, а оказалось – ещё слишком слаб для того, чтобы сосредоточиться.

– Это понятно, его очень неприятно ранили.

– Но... говорят, там очень хорошие целители?

– Да, госпожа Мадлен, это правда. Ваш брат оказался в самом том месте, которое нужно, – он мало того, что смотрел на неё, так ещё и легонько погладил её пальцы. Той самой многострадальной руки.

Простейший жест, но её почему-то взволновал. И сердце заколотилось. Вот что это, скажите на милость?

Коридор кончился, принц отворил и придержал для неё дверь наружу, в сад Пале-Вьевилля. Здесь росли всевозможные цветы, а в центре был устроен фонтан – три мраморных девы танцевали в струях воды. И вокруг фонтана в хорошую погоду обычно играли всевозможные дети – сыновья господина Эжена и принцессы Клод, дочери господина Этьена и принцессы Хуаны-Терезии – они были ещё совсем малы и приходили с нянькой, сын и дочь госпожи Шарлотты, дети кое-кого из ближних людей господина маршала, и – три её девицы.

И прямо сейчас одна из помянутых девиц, четырёхлетняя Шарлотта, разглядела матушку аж из-за фонтана и с громким воплем «Мама пришла» ринулась к ней. Сшибла с ног маленькую внучку господина маршала Каэтану, наступила в какое-то варево из песка, воды и травы, которое готовили три девицы постарше, включая её сестрицу Мари, и под поднявшийся громкий рёв запнулась о собственную юбку и повалилась на мощёную камнями дорожку.

И тоже заревела.

6. Бастион госпожи Мадлен

Жиль не успел ещё ничего понять, как оказался в эпицентре грозы – с громом и молниями. Вокруг вопили дети, их унимали няньки, что-то ещё происходило – господи, что же это такое, как же с этим вообще живут-то? Он зажмурился и не видел, как госпожа Мадлен высвободила руку и бросилась поднимать плачущую маленькую девочку – вероятно, одну из её дочерей. Как вообще такая маленькая девочка может издавать такие громкие звуки?

Он решился открыть глаза через несколько мгновений – когда шум слегка поутих, и ревущих детей развели няньки. Это что, с детьми всегда так?

А у неё их сколько? Ему же говорили? Трое, что ли? И как это? Постоянный рёв?

Впрочем, маленькая девочка уже плакала почти без звука, и что-то тихо говорила матери. Мать гладила её по голове, затем подхватила на руки.

– Ваше высочество, прогулка отменяется, увы, я приношу вам свои извинения. Не были бы вы так любезны придержать дверь?

Жиль отворил дверь в дом, пропустил госпожу Мадлен с девочкой, зашёл следом. Нет, так дело не пойдёт. Она сейчас снова спрячется, и ищи её потом!

– Госпожа Мадлен, позвольте вам помочь. Я донесу ребёнка, скажите, куда, а вы берите мой посох.

Она уставилась на него, как будто впервые увидела.

– У вас же... нога. Вы не сможете.

– Отчего же, смогу. Как зовут юную даму?

– Шарлотта, – она смотрела с опаской.

– Госпожа Шарлотта, позвольте проводить вас в ваши покои, – сказал Жиль девочке.

Девочка продолжала всхлипывать и не смотрела на него совсем. Тогда он отставил посох и просто взял её из рук матери. Ничего себе госпожа Мадлен тяжести-то таскает!

Барышня Шарлотта уставилась на него не хуже матери и мгновенно замолчала. Переводила взгляд с него – на мать, и обратно.

– Госпожа Мадлен, ведите, – Жиль усмехнулся и поклонился.

Ноге было больновато, но – не смертельно. Дойдёт.

Госпожа Мадлен подхватила его посох и пошла впереди.

Идти и впрямь было недалеко. В её гостиной Жиль опустил девочку на лавку, подумал и поцеловал маленькую ручку.

– Приятно познакомиться, госпожа Шарлотта. Меня зовут Жиль.

Девочка молчала и смотрела хмуро и настороженно, прямо как мать. Потом слезла с лавки и вцепилась в материнскую юбку, впрочем, продолжая на него поглядывать. Мать

девочки протянула Жилю посох.

– Вот, возьмите. Он... очень лёгкий.

– На нем специальные чары, – кивнул Жиль.

– Вы... сами их придумали? – спросила она.

Умница, молодец, просто чудо.

– Да, госпожа Мадлен. Если желаете – могу рассказать.

Она нервно оглянулась, осмотрела комнату – чего смотреть-то, обычная комната – и вздохнула.

– Расскажите. Располагайтесь и расскажите. Шарлотта, садись тоже и слушай. Хотела новую сказку? Вот, это тебе будет сказка.

– Отчего же сказка, госпожа Мадлен? – спросил Жиль как мог вкрадчиво. – Но я могу и сказку, наверное. Когда после некоторых событий я обнаружил, что моя нога не хочет мне подчиняться, это было весьма обидно. Я привык не рассчитывать ни на кого, а тут пришлось искать лакея, или даже телохранителя – представьте, какой позор, мне – и телохранителя? Это и сподвигло меня на такое решение. Ходить с посохом было проще, чем без него, а в навершие я поместил некоторые атакующие и защитные заклятья – чтоб были под рукой, раз уж я теперь привязан к этой штуке. Но вышло тяжело, он был даже тяжелее этой вот милой барышни, из-за своих редких материалов, – Жиль попытался подмигнуть девочке, девочка удивилась, широко распахнула глаза – вишнёвые, как и у матери.

Ну хоть не кошачьи, как у Саважа, подумал он почему-то.

– А дальше? – спросила девочка.

– А дальше мне пришлось подумать, как и куда можно деть лишний вес. Точнее, как компенсировать его окружающим воздухом.

– Это... как? – госпожа Мадлен наконец-то посмотрела на него.

– А вот так. Попробуйте взять его теперь, – Жиль с улыбкой снял с посоха заклятье и протянул прекрасной даме.

Дама протянула руку, взяла... и ожидаемо чуть не уронила. Ничего страшного, даже если уронит.

– Ой, – она перехватила посох обеими руками. – Ничего себе!

– Смотрите, – Жиль поднялся и взял у неё артефакт. – Вы вообще видите потоки воздуха, как они есть?

– Вижу, – кивнула она, и показала рукой.

Похоже, и вправду видит. Впрочем, что он, Жиль, знает о её силах и способностях?

– Тогда вы сейчас поймёте, как я их перенаправляю вокруг артефакта и отдаю им то, что не хочу тащить сам, – он подсветил потоки, окружающие посох, разными цветами в зависимости от их направления – синим, зелёным и золотистым. – Видите? За счёт того, что они завихряются в разных направлениях, они создают вокруг стабильное нечто, что и держит вес предмета.

– Ничего себе, – она смотрела сначала на посох и вихри вокруг него, а потом и на Жилия.

И смотрела с живым и настоящим интересом.

– Тоже хочу посмотреть, – сообщила девочка Шарлотта, подошла и дотронулась до посоха кончиком пальца.

Вокруг руки тут же завертелись разноцветные искры.

– Неплохо, юная госпожа, – кивнул Жиль. – Даже если вы пока и не можете позвать силу, сила вас признаёт. Госпожа Мадлен, в какой области лежат ваши магические умения?

– Я... стихийный маг. Слабый. И немного бытовой.

– Слабый ли – это ещё вопрос, для меня, во всяком случае. И какая стихия подчиняется вам лучше других?

– Воздух. С водой у меня чуть хуже, а огонь – только воды нагреть да свечи зажечь.

– Это же замечательно, – улыбнулся он.

– Что в этом замечательного? – не поняла она.

– Вы воздушный маг, и я тоже. Нам найдётся, о чём поговорить, правда?

Она вздохнула и обняла девочку, которая пыталась под шумок скovyрнуть с посоха фрагмент поддерживающей стихийную сеть серебряной оплётки.

– Шарлотта, не нужно трогать посох его высочества.

– Он без посоха упадёт, да?

– Ты же видела – он донёс тебя сюда и не упал. Но с посохом ему проще, чем без него. И ещё этот посох умеет бить врагов.

– Правда что ли? – раздался от двери ещё один юный голос. – У меня есть хорошая палка, научите её бить врагов?

Жиль оглянулся. У двери стояла девочка постарше и смотрела на него недоверчиво и в упор. Из-за её плеча выглядывала ещё одна.

– Дети, зайдите и поприветствуйте его высочество, как по-добает, – строго сказала госпожа Мадлен.

Старшая девочка подошла и сделала реверанс.

– Здравствуйте, ваше высочество. Я Аделин де Кресси. Это моя сестра Мари, – показала она на вторую. – А с моей сестрой Шарлоттой вы уже познакомились.

– Жиль де Роган, к вашим услугам, юная дама, – и поцеловать ей руку.

Девочка пискнула, отскочила к матери и обхватила её.

– Вы нас съедите, да? А потом заберёте маму? – поинтересовалась средняя сестра.

– Это кто вам сказал такую... глупость? – изумился Жиль.

– Все говорят, – пожала плечами девочка. – Но мы вам маму не отдадим.

7. За ужином и после

Мадлен была даже немного рада тому, что устроили дети. Может быть, это испугает принца, и он пойдёт восвояси? Он, бедняга, аж глаза закрыл, и ещё уши чудом не заткнул – вот, так вам, знайте, как это, когда дети. Вы же, наверное, хотите детей? Вот как это выглядит. Не только так, конечно, но...

Но он справился с собой и не сказал ей ничего. Более того, с лёгкостью дотащил рыдающую Шарлотту до их комнат – правда, Шарлотта от неожиданности и рыдать забыла. Ещё бы, её даже родной отец на руках не носил, а тут такое! А потом ещё начал рассказывать про свой посох и показывать – и впрямь любопытно. С Мадлен давно уже никто не говорил о магии – да и кому бы это было надо? Чему дома научили, ещё до замужества – то и ладно, а научили, как она сейчас понимала, немногому. Что ж, что есть – то и её. Не всем быть, как Жанно, бить врагов ей вовсе незачем. Или как его жена – тоже, говорят, боевой маг, вот диво-то!

Но слушать принца интересно, не в пример интереснее, чем покойного Ангеррана или любого из его ещё живых братьев. Потому что те умели только про последние городские новости да про придворные сплетни, а ещё – что у нас на ужин да чем заняться завтра. Принц же много где был и много чего видел, вот и пусть рассказывает.

После водворения всех детей домой за Мадлен и принцем очень скоро прислали от её высочества – пожалуйста, мол, к ужину. Мадлен позвала Николь и Луизу, и велела накормить девочек и уложить потом их спать, а она заглянет к ним, как вернётся. Да, непременно заглянет, даже если они уже уснут. Пожелает им доброй ночи и поцелует.

По дороге до обеденной залы принц снова вцепился в её руку. Вроде бы и просто держит, но на самом деле – поглядывает, поглаживает, что-то изучает. Ну вот что там изучать? Эти его жесты изрядно беспокоили Мадлен – потому что она не понимала их смысла. И уже была готова выдернуть руку и спрятать – но они пришли.

Она порадовалась было, что сейчас принц проводит её к стулу, а сам сядет куда-нибудь поближе к хозяевам дома, но он потащил её с собой. Столы стояли в виде ворот – две опоры с перекладиной, и за той перекладиной сидели хозяева и почётные гости. Он-то, конечно, садится там – потому что брат хозяйки, а её для чего туда тащить? И ведь не просто потащил, а усадил! Прямо в голове большого стола, сам он уселся рядом с её высочеством Катрин, а Мадлен устроил рядом с собой. Принцесса перехватила панический взгляд Мадлен и ободряюще ей улыбнулась, и сказала – располагайтесь, дорогая, всё в порядке. Как ваша девочка, я слышала, она упала? Всё хорошо? Целитель не нужен? Вот и чудесно.

Что подавали за тем ужином, Мадлен не запомнила. Потому что принц всё время был рядом и смотрел на неё... да

как хищник на добычу смотрит, так он на неё и смотрел! Водил носом, посверкивал в её сторону глазами, иногда касался её руки – кончиками пальцев, например – одалживая нож, или ноги – ногой под столом. И всё время спрашивал – чего бы ей хотелось, и подзывал слугу – налить вина или воды. За ней и в родительском доме так не ухаживали! Под конец она уже совсем потерялась и очень жалела, что ей не восемь лет, как Аделин, а то бы она непременно спряталась под стол и просидела там до конца трапезы. Но следовало держать лицо.

А после сладостей убила новостью принцесса Катрин. Она с сияющим лицом сообщила, что послезавтра прибывает жених дорогой Лионеллы граф Шалон, и по этому поводу будет большой праздник – с торжественной трапезой, песнями и танцами, Лионеллой звалась одна из двух пока ещё незамужних младших дочерей принцессы. А когда начали подниматься из-за стола, и Мадлен просчитывала пути к незаметному отступлению, принцесса прямо обратилась к ней и сказала, что рассчитывает увидеть её, Мадлен, на празднике. И завтра придёт к ней, поговорить о платье и причёске. Мадлен оставалось только поблагодарить за заботу.

Господин маршал позвал принца куда-то побеседовать, и Мадлен уже наладилась было сбежать, но принц сказал, что будет в распоряжении зятя – через четверть часа. А пока он видит, что госпожа Мадлен отбывает к детям, и собирается проводить её. Господин маршал усмехнулся в седые усы и

сказал, что ждёт принца в кабинете.

На обратной дороге повторились все эти чудеса с левой рукой – подержать пальцы, легонько их сжать, чуть погладить. Молча, совершенно молча. Только поглядывая на неё – хищно и хитро. Будто он что-то о ней знает, такое, чего не знает она сама. А что о ней можно знать?

У дверей в отведённые им с девочками покои принц учтивейшим образом поблагодарил за уделённое его особе время и распрощался. На прощание ещё и поцеловал ту самую руку – и снова как-то не по-людски, она и дыхание его ощутила, и тепло, и что-то ещё, чему не было названия.

Дети спали. Луиза рассказала, что за ужином Шарлотта капризничала и не хотела есть ничего, кроме пирожного, а Мари с Аделин бросались друг в дружку яблоками. Но они с Николь настояли, и дети съели и мясной пирог, и кашу, а пирожные и яблоки – уже после.

Мадлен поблагодарила Луизу, зашла в спальню к девочкам, поцеловала легонько каждую и отправилась к себе – готовиться ко сну.

В Пале-Вьевилль были невероятно удобно устроенные магические купальни – на каждые три-четыре комнаты. Её высочество Катрин уродилась искусным магом-водником, и в её жилище вода исполняла всё, что велено. Вода подавалась в жилые покои – для умывания и купания, в кухню – для приготовления пищи, в прачечную – для стирки, и ещё куда надо – для уборки. Во внутреннем дворе ею же был сде-

лан фонтан, и ещё, говорили, в кабинете господина маршала тоже журчит маленький фонтанчик. Рассказывали, что в родовом поместье Вьевиллей её высочество создала настоящий зачарованный сад – с ручьями, звенящими на разные голоса, подсвеченными фонтанами и поющими водопадами. Мадлен подумала, что хотела бы она на это посмотреть!

И ещё она подумала, что интересно бы посмотреть, в каком таком зачарованном замке живёт хромой принц. Уж наверное, тот замок до крыши набит всякими диковинами, и там вся домашняя работа делается сама собой?

Ну вот, снова она о нём думает! Мадлен засветила дополнительный магический шар и рассмотрела левую руку – не появилось ли на ней чего недозволенного. Что он за неё хватался весь вечер? Что там такого? Сейчас Мадлен казалось, что рука прямо горит в том месте, где он коснулся её губами на прощание, но – никаких отметин там не было. Наверное, это какая-то его дурацкая магия, потому что ну как так можно-то? Сколько времени уже прошло, как они расстались, а она до сих пор чувствует его губы на своих пальцах, ну невысказано же так!

Мадлен позвала камеристку Одиль, чтобы помогла ей помыться и заплести волосы на ночь. Глядишь – и поможет от навязчивых мыслей. И руки помыть хорошенько, вот. О чём там говорила принцесса Катрин? Праздник послезавтра? Может быть, получится заглянуть на него ненадолго и исчезнуть? Всё равно у неё одно-единственное приличное

платье, и то уже очень не новое и совсем не модное. В таком платье лучше всего – стоять у стеночки.

Правда, Одиль возрадовалась, как только услышала про праздник, и тут же начала трещать о том, что там Мадлен смогут увидеть какие-нибудь достойные мужчины, ведь в доме его милости бывает столько достойных мужчин! И у неё тоже одно на уме...

– Почему меня все так не любят, что хотят снова выпихнуть замуж? – спросила совершенно расстроенная Мадлен.

– Отчего же не любят? – удивилась Одиль. – Так наоборот же – заботятся. Чтобы было, кому вас и обогреть, и защитить.

– Много меня Ангерран обогревал и защищал, – фыркнула Мадлен.

– Не все же такие, – пожала плечами Одиль.

Она была ровесницей Мадлен, ей тоже вскоре исполнится двадцать семь. Но Одиль была замужем три года, а потом муж погиб, и единственный сын тоже умер. И брак Одиль был совсем не похож на брак Мадлен. Ну да она не дочь графа, ей можно было выйти за пригожего парня из людей Кресси. Жаль, что у неё так случилось. Жаль, что даже сына не осталось, у Мадлен-то хотя бы дочери. Они чудесные, а замуж их выдавать ещё не скоро – пока можно просто радоваться.

– Почитать вам? – спросила Одиль, когда Мадлен была помыта, заплетена и облачена в ночную сорочку.

– Нет, Одиль, спасибо, ступай, – никакие занимательные истории тут не спасут.

У Вьевиллей большая библиотека, и Мадлен разрешили брать там любые книги, какие ей глянутся. Она и берёт – себе, дочерям и камеристкам на развлечение. Но сейчас, увы, совсем не хочется читать ни про подвиги, ни про любовь.

Может быть, потом.

Мадлен ещё немного вспоминала проклятущего хромого принца... а потом уснула.

8. По-родственному

Жиль очень любил бывать в кабинете зятя-маршала – потому что это был не кабинет, а прямо райский уголок. В углу стояло апельсиновое дерево в кадке – его привезли из далёких южных земель. На дереве обычно восседала пара больших ярких попугаев – они умели разговаривать и время от времени выдавали что-нибудь необыкновенно смешное. Мужик, Жако, ругался, как заправский сапожник, а дама, Кара, пищала, охала и фыркала, как светская красotka. А ещё они летали по дворцу, нещадно подслушивали и потом повторяли всё это хозяину на разные голоса. На вопрос – зачем тебе эти болтливые холеры, зять только вздохнул и сказал – сначала, мол, понравились, а теперь куда их уже, паразитов? Паразиты при этом садились к нему на плечи, нежно тюкали клювами и говорили что-то вроде «Годфри хороший». Впрочем, маршал не оставался в долгу, и об обитавшем в доме Жилия его милости Котальдо, магически выведенном звере породы кошачьих, тоже отзывался весьма по-военному.

Вот и сейчас попугаи сидели на плечах хозяина, под деревом журчал небольшой фонтан – сестрица Катрин как-то заколдовала воду, что она всё время лилась на лопасти маленькой мельницы, на столе стоял графин с крепкой настойкой и стаканы, и лежала карта.

– Ты не боишься обсуждать при них государственные дела? – усмехнулся Жиль.

– Не боюсь, это они пусть боятся болтать, где не пристало, шеи сверну, если узнаю, – маршал Годфруа почесал клюв сначала мужику, потом барышне. – Ты же не боишься, что твой огромный кот выйдет погулять и задерёт вместо крысы какого-нибудь ценного придворного нашего с тобой величества? Ладно, к делу. Катрин рассказала, что ты придумал стоящую штуку, но расскажешь о ней сам.

Маршал разлил настойку по стаканам и пододвинул поближе к Жилю тарелку с полупрозрачными ломтиками вяленого мяса и кусочками копчёного сыра.

Идея магической стражи и магической связи была совершенно не нова, но там, где её удавалось внедрить в повседневность, поддерживать порядок в государстве было намного проще. Жиль встречал подобное – достаточно далеко отсюда, и изумлялся – почему эта простая мысль до сих пор не пришла в голову здесь никому толковому, а толковых вообще хватало.

– И где же мы найдём столько магов невысокой силы для этого дела, несомненно, благого? – поинтересовался зять.

– Думаю, найдём, потому что вообще магов больше, чем принято считать. Просто не все знают о себе, что они маги, и не все готовы этот факт открыто признать. Вот всех ли магов в своих владениях ты знаешь?

– Не уверен, – кивнул Годффри. – Я, конечно, давно уже

велел докладывать обо всех магически одарённых детях, и всех их отправляю учиться, а потом беру на службу, но – и я сомневаюсь, что знаю обо всех, и далеко не все сеньоры вообще готовы вести учёт людей в своих владениях.

– Как же они тогда подати-то собирают, – усмехнулся Жиль.

– Как-то, очевидно, собирают. Я не лезу в дела нашего финансового ведомства, и полагаю, что кардинал Тальер способен с ним справиться без помощи армии. Впрочем, говорят, что казна переживает не лучшие времена.

– Ещё бы – и королевство переживает не лучшие времена. Почему никто до сих пор не придавил принца Марша? Без головы его армия развалится достаточно быстро.

– Займись, – вздохнул родич, подливая настойки. – Если ты думаешь, что у королевства одна голова, и та разумная – увы, я тебя разочарую. Мадам Екатерина, несмотря на весь свой ум, женщина, и не все готовы воспринимать её всерьёз. А его величество неспособен сам спланировать даже свой собственный день. Поэтому – что есть и как есть. Но если ты расскажешь её величеству о своей идее, да с интересными примерами, как ты можешь – возможно, она и согласится на тотальный пересчёт всех магически одарённых подданных. Если поймёт, какая от того может быть польза. Лично ей и укреплению династии.

– Лично ей – вряд ли. К слову, она желала получить в своё распоряжение мою Жакетту – личный целитель ей, видите

ли, занадобился. А я дал ей от ворот поворот – нечего, девочке замуж надо и учиться. Так что она может меня и не послушать.

– Вот и скажи – чем больше магов выявить, тем больше целителей среди них отыщется. Глядишь, и ей какой-нибудь подойдёт. Кстати, а что думает госпожа Жакетта? Она согласна учиться и замуж?

– На удивление – да. Правда, она сама выбрала жениха, но тут уж я их обоих неволить не буду. Только надо бы добыть что-нибудь для него, а то совсем нищий, куда это годится. Должен ведь вырасти в весьма приличного мага.

– Вообще, всю эту развесёлую молодёжь нужно поощрить за смелые и решительные действия во время недавних беспорядков. Я и не думал, что сами справятся, а ведь справились – и короля спасли, и Рокелора поймали. Ну и положили сколько-то еретиков. И твоему будущему зятю вполне можно что-нибудь пожаловать. Но будет лучше, если о нём замолвим словечко не только мы с тобой, а кто-нибудь ещё.

– Например, твой младший сын или мой племянник?

– Например, – согласился маршал. – Кстати, ты виделся с племянником?

– Пока нет. Не уверен, что он обрадуется, если я появлюсь на пороге Лимея и пожелаю ему доброго здоровья. Но – ещё надеюсь встретиться.

– Да, было бы неплохо, – согласился маршал, и разлил последние капли настойки. – За успех?

– За него.

– Ты не один приехал, я надеюсь?

– Нет, с охраной.

– Вот и славно. Послезавтра приходи сам и приводи всю свою молодёжь при параде – на праздник. Отдаём Лионеллу, точнее, ещё пока не совсем отдаём, только показываем, но уже скоро отдадим совсем, нынешней осенью. Пусть молодёжь повеселится.

Жиль изложил молодёжи соображение о необходимости повеселиться, пока означенная молодёжь грузила его на коня. Наверное, при этом они про себя ругательски ругались, но Жилю до того дела не было. Доедут домой – там Жакетта полечит проклятушую ногу.

Жакетта, как самая послушная дочь на свете, уже была дома. Выслушала и про ногу, и про праздник, и – только улыбнулась. Сказала камердинеру Венсану снять с Жили сапоги, и пошла за какими-то волшебными притираниями, от которых стопа болела меньше. Позвала его милость Котальдо – пусть полежит возле больной ноги. Зверь отнёсся к просьбе весьма серьёзно, пришёл, потёрся об хозяйские ноги и позволил положить больную стопу на свою большую тушу и почёсывать себя пальцами.

– Жакетта, а ты знакома с госпожой Мадлен, сестрой Саважа, самой младшей?

– Нет, – покачала она головой. – Я только слышала о ней от госпожи Анжелики. А что? Она для чего-то нужна?

Жиль прямо задумался – нужна ли. Строптивая она какая-то, смотреть на него не хочет, руки выдёргивает, дай ей волю – всё время бы за детей пряталась. Но как же она красива, когда заинтересованно смотрит!

– Я буду тебе очень благодарен, если ты с ней познакомишься на празднике послезавтра. И расскажешь мне о своём впечатлении. Чтобы мне проще было понять – нужна или нет.

Он не рассказывал Жакетте ни о своих намерениях в отношении этой дамы, ни о магической клятве. Может быть, надо?

9. Примерки

Наутро Мадлен ещё не закончила завтрак с девочками, когда в их покоях появилась принцесса Катрин. Её сопровождали две служанки с подносами – хозяйка дома явилась пить заморский напиток арро со своей гостьей. Девочкам были предложены засахаренные фрукты, и они с восторгом принялись уничтожать лакомство. Мадлен кивнула Луизе – пусть забирает их всех вместе со сладостями в их комнату, а как съедят – то могут отправляться гулять в сад, только, бога ради, ни с кем не драться и с ног никого не сшибать. По возможности.

– Мадлен, вы, наверное, ещё не успели примерить на девочек платья? – смеясь, просила принцесса.

– Нет, ваше высочество, – Мадлен опустила глаза.

Не жаловаться же на её брата!

– Представляю, Жиль вчера совсем заморочил вам голову. Я верно понимаю, он предложил выйти за него замуж?

– Да, – Мадлен по-прежнему не отваживалась поднять глаза от чашки.

– И вы этому предложению не рады, – улыбнулась принцесса. – Знаете, я тоже не уверена, что обрадовалась бы, предложи мне такой вот Жиль замужество. Но он не так плох, как может показаться, правда. Скажите, Мадлен, а что

вы вообще думаете о возможном повторном замужестве?

Что она думает? Да ничего не думает. Оглянуться не успела и ничего понять тоже не успела, как возник этот самый Жиль де Роган.

– Я... Если честно, я не успела ещё подумать. Наверное, прошло слишком мало времени. Я надеялась, что Жанно сможет проводить нас с девочками в Варансон, но он не смог.

– И что бы вы там делали, если не секрет?

– Жила, – улыбнулась Мадлен. – Дела замка в порядке, хоть он и совсем небольшой.

– Это очень хорошо, что в порядке. Но каково вам будет – жить в одиночку? А если какой-нибудь сосед решит, что вы – лёгкая добыча, и достаточно привлекательны для того, чтобы взять вас в жёны, не спрашивая на то вашего согласия? Как там вообще с соседями? Вы знаете?

– Нет, – покачала головой Мадлен. – То есть, знаю – понаслышке. Мой управляющий докладывает мне обо всех значимых новостях. Но лично я с соседями не знакома.

– Я бы не советовала вам появляться там без солидного мужчины за вашей спиной. Ради вашей же безопасности.

– Понимаю, – вздохнула Мадлен.

– Или... вы глубоко любили вашего супруга, и пока ещё не готовы думать о другом мужчине?

Ну вот ещё, любила, глупости какие. Да хоть кого спросить, тут же расскажут, что там была за любовь.

– Не могу сказать, что любила. Просто... родители сочли,

что старший из Кресси – достаточно хороший вариант для младшей дочери небогатого графа.

– И вы были послушной дочерью, – кивнула Катрин. – Тогда сейчас вам просто необходимо прислушаться к себе и своему сердцу. Или... к своему телу, – усмехнулась принцесса, – тело, бывает, нам тоже неплохо подсказывает. А что до Жилия – знаете, он не умеет ухаживать за дамой так, как это принято. Он не ваш брат – не станет носить вам розы, рисовать картинки и петь песни. И он, кажется, вообще не понимает, почему франкийские дамы только и делают, что отказываются выйти за него замуж, такого прекрасного. Но если вдруг вам понравится то, что он говорит или делает – не отказывайтесь с ходу от его предложения. Он защитит вас и ваших девочек от всех врагов, и не даст скучать ни мгновения.

– Я... я не знаю, есть ли у меня враги. Раньше не было.

– Нет – и хорошо, – не стала спорить принцесса. – И я понимаю, что не на Жиле одном свет клином сошёлся. Завтра на празднике будет много приличных кавалеров, присмотритесь. У мужа в целом отличные офицеры, дураков он не держит. И давайте подберём вам наряд.

– Нет, благодарю вас, не нужно, у меня всё есть, – замотала головой Мадлен.

Но переубедить принцессу, если она собралась что-то сделать, было невозможно. Во всяком случае, Мадлен даже и не представляла, с какой стороны там ещё можно подступить-

ся. Её высочество позвала Одиль и велела показывать хозяйский гардероб. Та показала всё, от сорочек до чепцов, принцесса внимательно осмотрела и похвалила Мадлен за хозяйственность и бережное отношение к вещам, но тут же заявила, что всё это совершенно не годится для того, чтобы выходить в люди. Раньше, когда она, Мадлен, была супругой одного из Кресси, её наряды были на его совести, а теперь она под покровительством Вьевиллей, и должна выглядеть соответственно. Увы, сшить новое уже не успеют, но подогнать что-нибудь – возможно. Тем более, что вот этот алый корсет и такая же нижняя юбка – просто отличные, теперь на них нужно подобрать платье.

Принцесса взялась за прицепленное к поясу зеркало и велела кому-то прийти. А пока это кто-то шёл – рассматривала и нахваливала вышивки на одежде Мадлен. И говорила, что ни она сама, ни её дочери, ни, тем более, её невестки так не умеют.

Пришла суровая дама в возрасте матушки Мадлен, и принцесса изложила ей задачу – красивое платье на завтра. Хорошо бы такое, чтобы подчеркнуть и медовые волосы, и тёмные глаза. Дама, оказавшаяся местной портнихой, с ходу сказала, что зелёное бы, но готовой ткани нет, даже если не украшенной, есть чёрный бархат – расшивали для госпожи Шарлотты, но она сказала, что ей пока не нужно, ей бы лиловое, его и сшили, а чёрное вот – лежит.

Тут же было отдано распоряжение доставить тот чёрный

бархат и примерить, Мадлен даже слова сказать не успела. И оказалось, что это полностью готовая юбка, расшитый, но не собранный лиф, готовые, но тоже не собранные полоски для рукавов и чепец-арселе, всё это вышито серебряной нитью и мелкими жемчужинами. У Мадлен никогда в жизни не было такого роскошного платья. Принцесса же знай, командовала – здесь подтянуть, тут убрать, причёску завтра сделаем, сумочку на пояс изготовить из остатков ткани. Портниха и призванные ей в помощь три девушки только кивали и соглашались.

Правда, когда они ушли, её высочество призналась, что просто давно уже никого никуда не собирала. Наряд для Лионеллы на завтра давно готов, свадьба уже бы и состоялась, но – помешали беспорядки, жених был в армии. Увы, ей не удалось поучаствовать в свадебных сборах Анжелики де Безье перед венчанием той с её, Мадлен, братом – а это, как она понимает, было бы любопытно – насколько она, Катрин, вообще представляет себе ту Анжелику. И рассказала, что по слухам, её супруг притащил обоих – Анжелику и Жанно – в церковь чуть ли не за уши, чтобы не целовались тайком по углам, а делали это, как венчанные супруги. Мадлен представляла Жанно, которого маршал за ухо тащит жениться, и смеялась – ну да, маршалу-то не откажешь.

А принцесса пожелала ей бодрости духа и наконец-то откланялась, но предупредила – что завтра прийдёт людей помочь собраться на праздник.

Да что ж такое, Мадлен на свадьбу так не собирали, как на этот совершенно чужой праздник! Но принцессе не возразишь, как и её супругу. Поэтому – выдохнуть и принять, как подарок судьбы.

Ещё один подарок, точнее, целая коробка подарков, стоял со вчера у неё в спальне. Мадлен попросила Николь сходить за девочками и Луизой, и когда те пришли, достала коробку и принялась вытаскивать оттуда и показывать отданные принцессой наряды. Конечно, у девиц разгорелись глаза, и они тут же захотели всё примерить. Примеряли до обеда, и трудно сказать, кто больше радовался – Мадлен или девочки, или их камеристки. Почти все платья пришлись впору, и красивые башмачки – тоже.

– Ну вот, мама, теперь если ты надумаешь выходить замуж, нам хотя бы есть, что надеть на твою свадьбу, – сообщила Аделин. – А то вдруг ты вправду выйдешь за принца!

– Меня уже выдали за принца? – поинтересовалась Мадлен. – А кто три дня назад называл его чудовищем?

– Ну так принцев-то много, вдруг ты красивого найдёшь, – пожалала плечами Аделин. – А тот, хоть и чудовище, рассказывает интересные вещи. Вчера помог мою палку заколдовать. Правда, я думала, из неё будут вылетать молнии, а он сказал, что раз я сама пока молнии не умею, то их и не будет. А будет только шарик. Но я и шарик сегодня опробовала на Франсуа, он испугался и убежал.

– Ты опять задираешь мальчиков? – страдальчески смор-

щилась Мадлен.

Франсуа – это внук маршала, младший сын господина Эжена и принцессы Клод.

– А чего они меня играть не берут? – пожала плечами Аделин. – Взяли бы – я бы к ним не заедалась.

И эту логику было ничем не перешибить, увы. Мадлен со страхом думала, что будет, когда Аделин сравняется шестнадцать, и ей придёт время искать жениха, но до этого момента оставалось ещё восемь лет. Что-нибудь да придумает.

А пока нужно было убедить деву снять принцессино платье и сложить его обратно в коробку – например, до завтра, там, говорят, для всех детей сделают какое-то отдельное развлечение.

10. Три розы

Сестрица Катрин очень любила устраивать праздники – сколько Жиль её помнил. У неё всегда всё было красиво, пышно, торжественно и волнительно. Вот и сейчас – ну подумаешь, жених к девчонке приехал, но Катрин улыбалась и говорила – эти дни в родном доме Лионелла должна запомнить на всю жизнь. Что бы ни случилось в её жизни – у неё за спиной семья, она не одинока. Мы с ней, мы за неё. И пусть все это видят и мотают на ус, и мой любимый будущий младший зять – первым номером, усмехалась она.

О да, у Катрин уже есть один зять, наследник герцога де Лока, и он по струнке ходит. А обеих невесток она по-хозяйски подгробла под крылышко и опекает, даром, что и одна, и другая из правящих семейств, обе сёстры королей. Но для Катрин обе принцессы теперь были дамами из семьи Вьевилль, и это значит – обе они должны быть веселы, счастливы и благополучны, потому что их благополучие – это благополучие внуков Катрин, и точка.

Зять-маршал посмеивался, что ни за что не стал бы воевать с таким противником, как богоданная супруга. И благодарил бога за то, что Катрин ему супруга, а не кто другой.

В большом зале Пале-Вьевилля сегодня было всё – и накрытые столы, и цветы, и музыканты, и толпа гостей. Жиль

прибыл во главе небольшой армии и подумал ещё, что может быть зять-маршал не был так уж неправ, когда сосватал ему троих парней в свиту. Сейчас с ними, да с Жакеттой и с её женихом – он выглядел внушительно. Они приблизились к голове зала, приветствовали хозяев дома и счастливую пару – кажется, и вправду счастливую, юная племянница сияла так, что никто не сомневался – она идёт замуж за этого парня с большой охотой. Жакетта тоже так светится, когда смотрит на своего нищего виконта.

Жиль даже устроил небольшое показательное выступление – не фейерверк, фейерверк они потом сделают с де ла Моттом, когда стемнеет, но просто видение счастливой и богатой жизни для жениха с невестой. Для него ничего сложного, а всем понравилось, племянница даже подскочила со своего места и бросилась обнимать Жилья – так она была довольна. А её матушка усмехалась и говорила – девы-то у нас не иначе как от Анжелики де Саваж набрались таких изумительных манер. Жакетта услышала и захихикала – да-да, именно от неё. Но она хорошая, а сейчас ей вообще трудно – муж тяжело ранен, выздоравливает, а её саму приняли в школу боевых магов, где очень-очень нелегко. Парню-то нелегко, а девчонке – особенно. Правда, тут влез де ла Мотт и сказал, что Анжелика того и хотела, и вообще – она сильная, как пять парней, справится.

И дальше можно было отойти и заняться своими делами. Свои дела почему-то были не видны, наверное – снова ку-

да-то спрятались. Жиль внимательно осмотрел зал... и чуть не упал, хоть и опирался на посох. Мадлен де Саваж, тьфу, де Кресси стояла совсем рядом с хозяевами дома и сегодня она была невыразимо прекрасна. Видимо, загребушие руки Катрин дотянулись и до неё. А что – живёт в моём доме, значит – моё.

Никаких белых чепцов и скромных платьев. Чёрный цвет ткани подчёркивал стройную фигуру, платье плотно облегло высокую грудь, медовые волосы струились на спину из-под драгоценного арселе – вот как эта штука называется. Эх, коснуться бы тех волос, пропустить меж пальцев, и обхватить ту талию, и чтоб глаза смотрели не в пол, а на него... Впрочем, сейчас глаза смотрели именно в пол, и с этим следовало что-то сделать.

– Так, армия. Жироль и Сен-Мишель свободны, пока, Аккарен и де ла Мотт при мне. Не кривитесь, отпущу тоже, но чуть погодя. Жакетта, что можно подарить прекрасной даме?

– Цветок? – улыбнулась Жакетта. – Граф Саваж тайно дарил Анжелике розы, это было очень романтично.

– Тайно не хочу, роз не захватил. Впрочем, где-то же они есть, правда? – Жиль подумал, что знает на свете пару-тройку мест, где в эту пору года должны быть цветущие розы.

Конечно, эти места довольно далеко от Паризии, но – кто ж сказал, что будет легко? Раз он не догадался с утра послать того же де ла Мотта в цветочную лавку, то теперь ему и отдуваться.

Жиль зажмурился, сосредоточился, вспомнил кое-какие свои упражнения в доставке мелких предметов из точки А в точку В... и у него в ладонях материализовался цветок. Что характерно, роза. Настоящая – с лепестками, запахом и, чтоб её, шипами. Белая.

– Как вы это сделали? – де ла Мотт широко распахнул глаза и разинул рот.

– Потом покажу, – отмахнулся Жиль. – Ты вот лучше скажи – белую розу ж лучше подарить девице?

– Наверное, – пожал плечами тот, балбес никому ничего не дарил.

Даже из чужих садов не таскал, подобно помянутому Саважу.

– Тогда это тебе, – Жиль протянул розу Жакетте. – Пристрой куда-нибудь. Куда там девают розы – в шапку, в причёску, ещё там куда.

Жакетта ойкнула, напоровшись на шип, облизала руку и спрятала нос в цветке. Судя по всему, она была довольна. Можно повторять.

– Сейчас добудем ещё одну. Не белую. Экзотически красивую, – сказал Жиль и протянул руку.

Роза образовалась, но она была голубая. Вот прямо голубая – очень нежного оттенка, как глаза Жакетты.

– Где вы их берёте? – почти простонал де ла Мотт. – Тоже хочу так!

– Потом, – отмахнулся Жиль. – Где беру – там уже нет.

Наверное.

Этот цветок подойдёт для Катрин. Для его интереса снова нужна другая. Надо конкретизировать условия задачи.

Третий вариант получился бордово-красным, и оказался крупнее первых двух. Да, с этим уже и подойти не стыдно.

Впрочем, манёвр был сложносоставным, и зять-маршал, наверное, оценил бы. Потому что сначала Жиль прошествовал к сестрице Катрин и осчастливил её промежуточным результатом эксперимента, а потом уже подошёл к объекту своего интереса.

– Приветствую вас, прекрасная госпожа Мадлен. Вы знакомы с моей дочерью? Её зовут Жакетта. Это её жених, виконт де ла Мотт. Виконт д’Аккарен – мой человек. Возьмите, этот цветок для вас, – Жиль поклонился, как мог учтиво, вообще он никогда не забивал себе голову всеми этими поклонами и прочей чушью.

Но ведь понадобилось же!

Госпожа Мадлен сделала изящный реверанс и приняла розу – с улыбкой.

– Благодарю, ваше высочество. Очень красивый цветок.

И снова опустила взгляд в пол. Жиль уже был готов брать её под руки и вести куда-нибудь, чтоб хоть как-то разговаривать, но распорядитель торжества объявил, что сейчас немного танцев, а потом торжественный ужин. И первый танец по традиции – павана.

Отлично, просто отлично! Павану он вышагает, тут нет

ничего сложного.

Жиль оглядел своё войско и обнаружил, что хитрец де ла Мотт уже сбежал и вместе с Жакеттой становится в колонну.

– Госпожа Мадлен, вы составите мне пару на этот танец?

– Вы... готовы танцевать? Ваша нога позволит вам?

– Позволит, – ответил он так, чтобы пресечь все возможные разговоры.

Вот ещё, про ногу его болтать! Нога и нога, он ходил этой ногой по таким местам, что всем бы здоровым добраться без потерь.

Д'Аккарену не повезло – он остался сторожить посох Жилья, цветок госпожи Мадлен и лавку.

11. Говорите, праздник?

Мадлен едва вынесла сборы на праздник – да что это такое, в самом-то деле!

Принцесса Катрин прямо с утра прислала некую госпожу Онорину – даму средних лет в идеально накрахмаленном чепце, её чёрные глаза на круглом лице смотрели строго и требовательно. Она оглядела Мадлен, будто Мадлен была куклой, позвала Одиль, привлекла ещё каких-то служанок и начала распорядиться – ванну воды, принести то и это, и прочее.

Мадлен отмочили в нескольких водах – и просто в воде, и с каким-то молочком, и с травами, и она уже даже не понимала, с каким дьявольским зельем. Но надо отдать даме должное – она знала, что делала, кожа Мадлен стала необыкновенно мягкой, пахла приятно, а все лишние волосы всё равно что сами убрались. Тьфу, это-то зачем, там-то кто на неё вообще смотреть будет?

Потом Мадлен уложили на кровать, сказали закрыть глаза, и положили на лицо пропитанную чем-то пахучим ткань, у неё даже голова заболела от запаха. Она попробовала сказать об этом госпоже Онорине – но та только отмахнулась, пройдёт, мол, ничего страшного. И потом ещё намазала чем-то лицо, и отдельно – веки.

Кисти и стопы натёрли чем-то жирным, сверху замотали в ткань, снова велели лежать спокойно. И правда, толк был – размягчились все мозоли, тут их аккуратно и срезали. И поскребли пятки чем-то шершавым.

А потом стали издеваться над волосами. Чем-то намазали, накрутили на тряпки, завязали узелками и принялись сушить магически. Мадлен тоже так умела, очень полезно, потому что девочкам после купания проще как раз высушить волосы руками, чем просить их спокойно посидеть у камина и подождать, пока само досохнет.

Кажется, где-то в процессе разрешили поесть. А потом ещё девочки пришли с прогулки, и по команде госпожи Онорины их быстро переодели в красивые платья, хорошенько расчесали волосы и отправили к госпоже Шарлотте, которая взялась устроить развлечение для всех живущих во дворце детей. Обычно во время одевания кто-нибудь капризничал, не Аделин, так Шарлотта, а тут госпожа Онорина только взглянула – и все капризы кончились, не успев начаться. Мадлен подумала – надо бы выучить такой взгляд, полезно.

Платье прибыло в сопровождении двух девушек, которые принялись ловко одевать Мадлен. Самая красивая её сорочка – вышитая, и кружево она тоже сплела сама. Одобрённые вчера принцессой низы – корсет и юбка. Подушечка – приподнять юбку на бёдрах. И невероятное платье из заморского бархата, само по себе как произведение искусства.

Хорошо ещё, что матушка подарила на свадьбу ниточку

жемчуга и серёжки. И что Мадлен удалось сохранить украшения от хищных лап покойного супруга и его братьев.

Дальше принялись раскручивать тряпочки на волосах. И под пальцами госпожи Онорины невероятным образом струились золотисто-медовые локоны, подумать только, как бывает-то, Мадлен всю жизнь была уверена, что с такими локонами – только родиться. Их осторожно расправили, чем-то помазали и угнездили сверху драгоценный чепец. И показали ей в большое специально принесённое зеркало – что получилось.

Да это не она, так не бывает. Это кто-то незнакомый. Её ж родные дети не узнают!

Оказывается – ей подвели глаза и накрасили ресницы, и чем-то помазали лицо, чтобы казалось белее и ровнее. И губы сделали алыми, вот ужас-то! Все же будут на неё пялиться!

Но... красиво, очень красиво. Мадлен и не думала, что её можно сделать такой красивой. Теперь она хотя бы это знает. И стало понятнее, почему госпожа Шарлотта всегда прекрасна, а её высочество, несмотря на свои годы, весьма молодо выглядит.

И уже пришло время спускаться в большой зал. Мадлен взяла с собой Одиль – мало ли, что, вдруг что-то развяжется или потеряется, кто будет её спасать? Она ж совсем не привыкла ходить в таких платьях! Как же все они – женщины Вьевиллей – справляются? Даже самые юные, такие, как Ли-

онелла и Франсуаза?

Лионелле было шестнадцать, и она шла замуж с радостью – сияет, смотрит на жениха, глаз не сводит. Наверное, они знакомы давно и понравились друг другу. Дева вообще была красива, а сегодня второй такой прелестной просто больше не было. Мадлен с чего-то подумала ещё, что рыжую масть господина маршала унаследовали только две дочери – Шарлотта и Лионелла, а все сыновья и самая младшая дочь Франсуаза пошли в её высочество, золотоволосые и сероглазые. И сейчас у Лионеллы было прелестное зелёное платье, отлично гармонирующее с её рыжими кудрями – настоящими, не как у самой Мадлен.

И ещё Мадлен вспомнила себя перед свадьбой – испуганное нечто, которому и в голову бы не пришло улыбаться жениху. Наверное, предчувствовала, что замужняя жизнь – не сахар и не мёд. Впрочем, у сестрицы Мари иначе – они с её бароном вечно переглядываются и перешёптываются, и говорят друг другу что-то, более ни для кого не предназначенное. А женаты уже тоже почти десять лет – это ведь на свадьбу Мари тогда притащились Кресси в качестве друзей жениха и прямо там решили сосватать последнюю незамужнюю дочь графа Саважа за самого старшего из четверых.

Никто не живёт так, как другие, но всё – по-своему.

И эта умная мысль никак не поясняла, как дальше жить самой Мадлен.

А потом думать стало резко некогда, потому что к ней

подошёл его высочество Жиль де Роган собственной лысой персоной, да не один, а с кучкой молодёжи. И в руках он держал розу – очень красивого тёмно-красного цвета и огромного размера. Где только взял такую, Мадлен отродясь таких крупных роз не видела. Поклонился, поздоровался и преподнёс эту самую розу – и что теперь с ней делать? Красивая, конечно, но куда её?

Мадлен осторожно понюхала цветок – очень нежный запах. Тем временем принц представлял пришедших с ним – оказалось, это его дочь с женихом, жених был смутно знаком, а вот о дочери Мадлен ничего не слышала. Он вдовец? Дочь была типичная девица из Роганов – очаровательная блондинка с серо-голубыми глазами, и у неё в руках тоже была роза – неужели папенька и о ней заботится, или всё же жених?

Вот ведь, и не сбежишь – невежливо, и роза красивая. И что дальше?

А дальше объявили начало танцев и павану, и принц, ни мгновения не раздумывая, пригласил её. Мадлен изумилась – с больной ногой? Он, правда, ответил резко, видимо, уже устал отвечать про эту самую ногу, но – ещё скажут потом, что она принца уморила!

Впрочем, в том, чтобы станцевать павану, и впрямь нет ничего сложного. Роза осталась на лавке, и второй сопровождавший принца парень остался её сторожить. Надо будет потом попросить Одиль унести цветок в комнату.

Танцевал принц сносно – двигался легко, правда – не с той ноги. И его это совершенно не заботило. Идёт – и хорошо. Держит Мадлен за руку, легко поглаживает ладонь. Потом ведь она опять полночи не уснёт, будет выискивать на запястье его следы! Но, к счастью, танец оказался коротким, дальше объявили гальярд, и её-то уже никто из них танцевать не стал. Мадлен, сказать правду, и не умела. В её жизни балы встречались нечасто, и обычно она ограничивалась тем, что не требует искусства – бранлями, той же паваной, или, на худой конец, аллемандой. Это Жанно умеет и гальярд, и вольту, и южные новомодные балетти, но он учился не дома, он учился в своих дальних странствиях и при принце Анри, племяннике принца Жилия.

Принц Жиль раскланялся – и смотрел при этом на неё так, что ей было очень не по себе. Ну вот почему он на неё так смотрит? Не на всех ведь, это к ней как репей прицепился!

К счастью, его куда-то отозвали, он извинился и отбыл – вместе с одним из сопровождавших его молодых людей. Остался второй – жених дочери – с той самой дочерью.

Правда, дочь вела себя совсем не заносчиво, а ровно и дружелюбно – как принцесса Катрин или любая из её дочерей. Породу не скроешь. Она сообщила, что её жениха зовут Орельен, и что он друг Жанно. Ну конечно, и ещё с ними ходил младший принц Роган, племянник Жилия. Вроде бы этот молодой человек не отличался запредельной знатностью или большим богатством, как он умудрился заполучить

принцессу в невесты? Впрочем, не важно. И он, оказывается, искусный маг, несмотря на юный возраст. Может быть, всё дело в этом?

К ним подошёл побеседовать его преосвященство Лионель, и молодёжь тут же засыпала его вопросами – как там Жанно. Тот рассказал, что навестил его накануне, он постепенно поправляется, ему разрешают вставать с постели и ходить, но – совсем недолго. С ним Марсель и госпожа Лика.

Про эту самую госпожу Лику – Мадлен не сразу поняла, что речь о супруге Жанно – спрашивали ничуть не меньше, чем про брата. Его преосвященство со смехом рассказал, как та сдавала экзамен в какую-то магическую школу – ей не поверили, что она что-то там умеет, потому что не мужчина, и пришлось доказывать. И она доказала, и теперь там учится. Тут Мадлен подумала, что тоже может поддержать беседу – и рассказала, что девочки вспоминают Анжелику до сих пор и очень хотят повидаться с ней снова, потому что она рассказывала какие-то интересные сказки. Принцесса, её жених и его преосвященство переглянулись и рассмеялись, и согласились, что Анжелика может рассказывать ещё какие сказки.

А потом возле них возник какой-то весьма щёгольски одетый кавалер, и попросил господина Лионеля представить его неизвестной прекрасной госпоже.

12. Неудачная попытка

– Госпожа де Кресси – сестра Саважа, – пояснил его преосвященство медовым голосом. – Советую вам, Эскар, быть осторожнее.

Неизвестный кавалер вздохнул.

– Конечно же, ваше преосвященство, – тот выглядел кротким и добронравным. – Я буду очень вежлив с прекрасной госпожой. Могу ли я пригласить её на танец?

– Госпожа Мадлен, это Габриэль, граф Эскар, он служит его высочеству Генриху. И, очевидно, желает с вами танцевать.

– Благодарю, – вздохнула Мадлен. – Но не уверена, что смогу составить пару – я не знаю объявленного танца.

Всех пригласили на что-то, Мадлен неизвестное, и в первой паре стояла сияющая Лионелла де Вьевилль со своим женихом.

– Тогда, может быть, следующая аллеманда? А пока прогуляемся?

– Благодарю вас, я не расположена гулять.

– Тогда я подойду к вам перед танцем, – граф Эскар поклонился изящнейшим образом и отошёл.

Может быть, позабудет? Или найдёт другую жертву? Тем временем рядом появилась Одиль, Мадлен отдала ей цветок

и велела унести в спальню, там поставить его в воду и возвращаться.

– Мы присмотрим, госпожа Мадлен, – подмигнул ей виконт де ла Мотт. – Он будет с вами только танцевать, ничего более!

Надо же. Для Мадлен и танцевать-то – уже много. В её прошлой жизни танцевать можно было с мужем и с его братьями, и ещё иногда с Жанно – если он вдруг случался там же, где и она, и это уже был праздник. Мадлен поняла, что просто не умеет танцевать с чужими мужчинами! Ей это не то, чтобы неприятно, но – не в радость совершенно.

А как ты будешь девочек замуж выдавать – подумала она. Тоже как тебя саму – ничего о жизни не знающими? Умеющими только рукодельничать, вести дом да читать? Или, может быть, лучше, как Лионелла де Вьевилль – радостная, счастливая, наслаждающаяся и вниманием жениха, и праздником, и вообще жизнью? Потому что самой Мадлен стало обидно до слёз, когда она вдруг поняла, что её жизнь тоже могла быть другой. И для этого ей даже не нужно было родиться женщиной, как Жанно, женщины тоже живут не только так, как жила до недавнего времени она.

И ей бы очень не хотелось, чтобы её девочки, попав на такой вот праздник, не знали, куда деваться от неловкости и неумения. Поэтому – нужно пробовать самой. Просто танцевать и разговаривать. Вдруг получится? А потом – учить их.

Жакетта в ответ заулыбалась, и рассказала – она тоже,

оказывается, почти не умеет танцевать. Так вышло, она стала учиться совсем недавно. Как, граф Саваж не рассказывал госпоже Мадлен её историю? Значит, надо будет рассказать.

Объявили ту самую аллеманду, и тут же к ним подскокил граф Эскар, и раскланялся, и подал руку, предварительно коснувшись запястья губами – прямо как при дворе. Мадлен сделала реверанс и подала ему свою руку, тоже сначала поднеся её к губам.

Шаги в целом несложные, о них можно не думать. Можно присмотреться к кавалеру. Он темноволос, темноглаз, и не пожирает её взглядом, как принц, а поглядывает осторожно и изредка, но поглядывает, даёт понять – что она в центре его внимания. Одет роскошно – видимо, не бедствует. Жемчуг на дублете ровный и крупный, рисунок вышивки – прихотливый. Много колец на пальцах – и гладкие, и с рисунком, не видно, каким, и два – с камнем. И ещё от него пахло – не обычным запахом мужчины, пусть даже и следящего за собой, а вот прямо – какими-то притираниями. Как будто – немного цветочного масла, и ещё чего-то, в целом – запах гармоничный, но – какой-то сладковатый. И – этот наносной запах смазывал впечатление от его собственного. Любопытно. Интересный вариант. Ну да, некоторые придворные кавалеры даже глаза подводят, говорят – им это нравится. Покойный муж и его братья о таких говорили недобро, ну да они и к серьге в ухе Жанно поначалу попытались прицепиться, одного раза хватило, больше не заикались.

Мадлен не заметила, что танец закончился. Поняла только, когда её кавалер остановился и, не выпуская её руки, поклонился. Она спешно ответила – ещё подумает, что она совсем деревенщина. Впрочем, про неё пусть что хочет, то и думает. Пока. А вот девочкам уже совсем скоро нужны будут её безупречная репутация и какая-то основа для выхода в свет – там должны знать хотя бы её, Мадлен. Значит... никуда не уезжать, пользоваться добротой Вьевиллей и заводить знакомства?

– Госпожа Мадлен, дорого бы я дал, чтобы узнать ваши мысли, – улыбался Эскар.

Довольно хищно улыбался, если уж на то пошло.

– Они просты, как летний ветер – я думаю о дочерях, и о том, что старшей уже через несколько лет выходить в свет и представляться ко двору.

– Если ваши дочери унаследовали вашу красоту – то им просто не будет равных, – улыбался Эскар. – Может быть, теперь вы согласитесь прогуляться – хотя бы до фонтана во дворе и обратно? Ваши друзья вскоре вновь получат вас в безраздельное пользование.

Друзья? У неё? Нет у неё друзей, подумала Мадлен, и поняла – насколько это грустно. У отсутствующего здесь брата – есть, и она сейчас пользуется именно его дружескими связями – на благо себе и девочкам. А у Ангеррана друзей не было. Что он мог дать дочерям? Да ничего.

Но кажется, она отвлеклась и снова прослушала слова сво-

его кавалера, а он, видимо, принял её молчание за согласие, и уже вывел её из зала во внутренний двор и вёл к фонтану. Сейчас там не было играющих детей, и вообще сгущались сумерки.

– Вы снова где-то в дебрях ваших мыслей, прекрасная госпожа де Кресси, – говорил он. – Вас совершенно невозможно очаровывать сладкими речами – вы их не слушаете. Может быть, с вами нужно быть откровенным?

– Будьте любезны, – она насторожилась.

Слова об откровенности обычно не означали ничего особенно хорошего.

– Вы очень красивы и вы свободны. За вашей спиной не стоит никакого злого мужа. Вы сама себе хозяйка, и можете сами решать – отвечать ли на предложение мужчины.

– Предложение? – нахмурилась она.

Вот ещё не хватало!

– Я тоже свободен, и я восхищён вами, дорогая госпожа де Кресси. Я готов петь вам оды и дифирамбы, и не только петь – если вы позволите утешить вас в вашем суровом одиночестве. Уверяю вас, я достаточно искусен, чтобы вы быстро забыли вашего неуклюжего мужа – вряд ли он в любви был лучше, чем во всём остальном.

– Я не понимаю вас, – отрезала Мадлен.

То есть на самом-то деле она прекрасно всё понимала, но предпочитала, чтобы все вещи были названы своими именами. Чтобы потом никто не мог сказать – ах, я совсем не то

имел в виду.

– Вы не можете быть настолько наивны, прекрасная Мадлен. Или вы наоборот – искушены? Хотите назвать всё прямо? Извольте. Вы прекрасны, и я хочу вас – сейчас. И потом тоже. В идеале – насовсем, но вдруг мы не устроим друг друга в любви? Вы свободны, и ничто не мешает вам попробовать. И никто. И я постараюсь не разочаровать вас, – он поднёс к губам её пальцы, легко дотронулся.

Именно чуть дотронулся – вовсе не так, как принц до того. И его сладковатый запах стал настолько приторным, что Мадлен чихнула.

– Простите, господин граф. Я не хочу вас обидеть, но – нет. Между нами не может быть ничего.

– Отчего же? Вполне может. Позвольте себе захотеть – хоть немного, и дальше вам понравится, уверяю вас. Вы ещё будете просить меня повторить, вот увидите!

– Не хочу ничего видеть, и ни о чём просить тоже не хочу. Благодарю за танец, приношу извинения за всё остальное, – Мадлен вырвала руку из его пальцев и хотела было подхватить юбки – о проклятушие тяжёлые юбки! – и бежать к дверям в зал, но он перехватил её, прижал к себе и впился в её губы редкостно неприятным поцелуем.

Мадлен попробовала вырваться – не получилось. И тогда она вспомнила науку Жанно – несложное действие, которое можно выполнить, даже если у тебя руки несвободны. Только нужно расслабиться на мгновение, и...

Эскар, скотина, тут же воспользовался этим мгновением и принял его за сигнал к действию. Его поганый язык ткнулся ей в рот, а дальше она сосредоточилась и зажала ему нос, да так, что он тут же отпрянул от неё и принялся хватать воздух ртом, а ещё его дёрнули сзади и оторвали от неё совсем.

– Думать забудьте об этой даме, Эскар, – холодно произнёс хромой принц, держа его на некотором расстоянии от земли.

И при этом – не касаясь Эскара даже кончиком пальца.

13. И ещё одна попытка

Жиль понимал, что такие вот праздники существуют в том числе и для того, чтобы решать на них дела, что это не им придумано, и не им будет изменено. Но всё равно злился – сейчас бы сестра рядом с прекрасной Мадлен и побеседовать – просто так и ни о чём. Он не очень-то умел ни о чём, не слишком хорошо помнил, как флиртовать с благородными дамами, но был готов рассказывать забавные истории, которые когда-либо случались с ним – или на его глазах. Однако же, один из его парней, Сен-Мишель, принёс просьбу зятя – подойти переговорить, и следовало это сделать.

Маршала интересовало положение дел в графстве Безье – которое недавно по ходатайству означенного маршала плюс племянника Лионеля было передано во временное управление Жилю, племяннику Лионелю, как королевскому дознавателю, и ещё брату Мадлен Саважу, как супругу единственной наследницы покойного графа. Ну да, в Безье развёлся разбойничий притон – с лёгкой руки подлеца Антуана, который покойному графу даже и сыном-то не был, как оказалось, и как сам Жиль первым делом и выяснил. И они втроём, да ещё с госпожой графиней Саваж, в девичестве Безье, и с друзьями того Саважа – детьми великого герцога Фаро наводили там порядок пару недель назад. Навели, но – отно-

сительно. Антуан нашёл в процессе свой конец, из его офицеров тоже кого прибили, кого вздёрнули, потому что нечего разбойничать. Жаль, Саважа подстрелили, но это – рассчитанный риск, когда идёшь в бой, никогда нельзя знать, каким выйдешь, и выйдешь ли вообще.

Подошёл ещё и Лионель – правильно, он тоже лицо заинтересованное и во всём участвующее. Кто бы подумал, как живописна бывает жизнь коадьютора Льенского архиепископства!

Маршал, как оказалось, заинтересовался делом вот прямо сейчас с подачи короля и королевского совета – Жиль знал о запланированном на утро заседании, не знал только, что кому-то стукнуло в голову послушать про дела в Безье. Ну что – расскажем, даже и как есть можно рассказать, и племянник, кажется, думает примерно о том же. Лионель глянул на Жилия и принялся рассказывать – и походило это не на рассказ сына отцу, а на отчёт дознавателя королевскому маршалу. Кратко, без лишнего, сугубо по делу. Какие разрушения, скольких казнили на месте, кого сочли возможным приставить к делу.

Зять-маршал покивал, поблагодарил, сказал, что представил себе, что там, и пусть они завтра то же самое рассказывают королю и совету, а он, если будет нужно, поддержит. Можно было отправляться обратно в зал и расставлять силки на госпожу Мадлен. Жиль надеялся, что Жакетта и де ла Мотт не дали ей сбежать к детям.

Сбежать и не дали, но и не запрещали танцевать со всякими проходимцами! Жиль с изумлением увидел, как госпожу Мадлен ведёт в танце Габриэль д'Эскар – один из приближённых принца Генриха, младшего брата короля. Вот только ещё не хватало всяких смазливых юнцов из окружения наследника престола!

– Что это? – спросил Жиль у де ла Мотта, кинув на завершавшую танец пару.

– Госпожа Мадлен танцует с Эскаром, – подал плечами тот. – Лионель предупредил его, чтоб без фокусов.

Лионель предупредил – это хорошо, конечно, но Эскар – болван и наглец, и вряд ли станет слушать предупреждения. Точно – схватился за руку госпожи Мадлен и тащит её наружу, во внутренний двор, а там уже темновато! Жиль подхватил де ла Мотта – едва ли не за шиворот – и осторожно пошёл следом.

Вовремя, очень вовремя, потому что Эскар целовал госпожу Мадлен, а она, судя по всему, пыталась вывернуться из его рук.

Жиль дёрнул его, не задумываясь, просто чтобы оттащить от неё. И похоже, что она тоже добавила – потому что закашлялся и хватал воздух ртом, а вроде не должен был. Наша фея не так уж и беззащитна, какой хочет показаться? Хорошо, конечно, но чем она раньше-то думала, когда пошла с ним наружу?

И вот сейчас она стоит и закрыла лицо руками, а он висит

в воздухе и дрыгает тонкими ножками – очень забавно, если кому такое нравится. Жиль полюбовался немного, а потом снял воздействие – и от неожиданности тот плюхнулся на дорожку. И приложился о булыжники – ничего, если маленькая девочка поплакала и пережила, то этот поганец тем более переживёт.

– Ваше высочество, – начал он было что-то возмущённо говорить, но его прервал появившийся из темноты Лионель.

Над ним висело несколько осветительных шаров, следом спешила Жакетта.

– А ведь вас предупреждали, Эскар. Проваливайте, чтоб я вас в этом доме больше не видел, – и смотрит так нехорошо, племянник умеет.

Тут Эскару только и оставалось, что подняться и податься к дверям в дом. Он разве что злобно оглянулся на них всех, а потом вдруг схватился за задницу и припустил по дорожке. Жиль оглядел своё воинство и сощурился на довольную рожу де ла Мотта.

– Что ты с ним сделал?

– Запустил пару жуков в штаны, – радостно сообщил тот, сжал ладонь, потом раскрыл и продемонстрировал усатого жука размером с пол-мизинца. – Съесть не съедят, но, может быть, покусают, и вообще мало счастья, когда у тебя в штанах что-то ползает.

– Где ты их взял? – изумился Жиль.

– В Лимее такие водятся, – подмигнул тот. – Здесь вроде

тоже. Покажу в обмен на знание, где добыть розы в нужный момент.

Тоже тот ещё паршивец, но этот хотя бы свой паршивец.

Эскар скрылся в доме, Лионель и Жакетта переглядывались и смеялись, госпожа Мадлен так и стояла, закрыв руками лицо.

– Позвольте вам помочь, – догадалась первой Жакетта.

Подошла к Мадлен, взяла за руки, убрала их от лица и принялась поправлять платье – шнурки там и завязки, и причёску, и всё это с невозмутимым видом, ну да, она же горничной была, она умеет. Всё-то она умеет, чудесная девочка.

А госпожа Мадлен вздохнула и расплакалась. То есть всхлипнула. Жиль махнул де ла Мотту – проваливай, мол, но недалеко – и они с Лионелем тоже пошли в дом.

– Госпожа Мадлен, он как-то повредил вам? Если так, то я его наизнанку выверну, а потом уже отправлю к его принцу, – нахмурился Жиль.

– Нет, нет. Благодарю вас. Я сама не справилась бы. Я не умею, – проговорила она.

– Никто не умеет, кроме Анжелики, – пожала плечами Жакетта. – Для того с нами мужчины.

– Я не думала, что он... вот так сразу.

– И не думайте, госпожа Мадлен, – Жиль шагнул к ней и подал руку. – Если позволите сопровождать вас – то никто другой и глаз поднять не посмеет.

Она вздохнула и приняла руку, а Жакетта ободряюще ей

улыбнулась. Можно идти, там как раз зовут на ужин.

За столом Жиль усадил госпожу Мадлен возле себя. И следил, чтобы у неё всё время что-нибудь было и на тарелке, и в бокале. И любовался её красивыми руками и тем, как изящно она ест. Она же не поднимала взгляда и разве что благодарила.

А после ужина они с де ла Моттом должны были развлечь гостей фейерверком. Предложил накануне Орельен – и оказалось, он уже такое делал. Прикинули, чем можно удивить, хоть бы и магов – и оказалось, что на пару они могут довольно много и довольно красиво. Просто звёзды, искры и разнообразные цветы, и ящерицы-саламандры, и ещё какие-то огнеупорные твари, и пара драконов, выдыхающих пламя – отчего нет, в ночном тёмном небе вся эта ерунда выглядит просто отлично. Гости зятя-маршала пришли в восторг и хотели ещё, но Жилью не было дела до них – он смотрел на госпожу Мадлен. Она смотрела восторженно, и на Орельена, и – что более ценно – на него. И рука её не дрожала, и сама она улыбалась.

– Очень красиво, ваше высочество. Спасибо, виконт, это было незабываемо.

Жиль улыбнулся – и пустил пригоршню сияющих звёздочек кружиться вокруг неё, сверкать на её волосах, рукавах, юбке. А потом ещё – пёрышки, лёгкие и пушистые. И кажется, это было правильно – такого восхищённого взгляда, таких сияющих глаз он у неё не видел, да и наверное – ни у

кого не видел. Другие гости постепенно ушли обратно в зал, а она – не торопилась.

Он не заметил, как привычно потянулся к ней – не руками, нет, подвластными силами притяжения, чтобы приманить, привлечь, опутать и уже не выпустить. Она и не заметила – любовалась сверкающими огоньками.

А потом... взгляд в глаза, и он чуть было не поцеловал её – или всё же попробовал? И тут же – жёсткий блок. Как по голове получил, честное слово, даже в глазах потемнело на мгновение, и на ногах не удержался.

Великий Жиль де Роган сидел на мощёной булыжником дорожке и смотрел, как прекрасная Мадлен убегает в дом. Голова раскальвалась, перед глазами плясали искры, он не мог не только подняться, а даже и просто смотреть в одну точку, и чтобы та точка не шаталась.

Ничего, Жакетта же поможет, наверное – успел он подумать перед тем, как окончательно потерять сознание.

14. Страшно

На следующий день Мадлен не показывала носа из спальни. Разве что утром вышла девочек поцеловать – да и всё. Даже завтракать не стала, кусок в горло не лез. И наружу велела передать, что нездорова.

Вообще, конечно, нужно было как-то себя собрать – а то что это такое, совсем рассыпалась. Нужно почитать и пошить с Аделин и Мари. Нужно позвать Шарлотту и довязать с ней шнурок на вилке, из которого потом сплести ей пояс. Да просто нужно самой дочитать книгу, или закончить вышивку на воротнике для своей новой сорочки, всё больше пользы будет.

Но не получалось ничего, вот совсем ничего.

Вчерашний позор... о, она-то думала, что позор – это когда Жанно отлупил Ангеррана прямо во дворце, на виду у толпы любопытствующих придворных. Но нет, там не только она была причиной. А здесь...

Сначала кошмарный граф Эскар. Зачем только она ему сдалась! И почему он такой непонятливый – сказала же, что он ей через порог не нужен, к чему вот это всё? Ей уже не семнадцать лет, за спиной не стоит отец, который говорит, что так правильно, так надо и не отказывай возможному жениху, смотри поласковее. И кстати, замуж-то граф ей не

предлагал, только переспать. Тьфу. Называется – попробовала потанцевать и поговорить с чужим мужчиной! Не умеет – нечего и начинать. У неё что, на лбу написано, что с ней так можно?

И надо же было такому случиться, чтоб спас её хромой принц! Да как спас-то – у того графа проклятущего только пятки сверкали. И принцесса Жакетта тут же стала помогать, и его преосвященство. Хорошо ещё, что больше в саду никого не было, но наверное же смотрели в окна!

А принц... Мадлен сначала было выдохнула, потому что подле него и впрямь безопасно. Человека, который с лёгкостью может так поднять тебя над землёй, что ты только ножками дрыгать и сможешь, мало кто захочет иметь среди врагов. На неё поглядывали, но – не подходили. И не просили принца представить её. И это было – замечательно.

Ещё лучше оказался фейерверк, который принц устроил на пару с Орельеном де ла Моттом. Такой красоты она отродясь не видела, и пожалела только, что девочек рядом нет, им бы точно понравилось, особенно Аделин, она бы непременно захотела научиться так же.

А после, когда все разошлись... вот это было самое тяжёлое. Когда всю эту красоту принц обрушил на неё, будто она какая королева или фея, которой это нужно. Что уж, она и не думала, что такое может быть с ней – и роза, и чудесное спасение от негодяя, и звёздочки эти золотистые! Но...

Принц посмотрел на неё так, будто она – и не человек во-

все, а сокровище в сундуке, и протянул к ней руку, и онаглянула в его глаза – и не смогла противиться силе притяжения. В тот момент он мог делать с ней, что угодно, она была бы только рада. И ни одной мысли о том, что будет после, что они здесь не одни, что вокруг – чужой дом и где-то её дети!

Мадлен не поняла, что случилось потом, но – будто она была связана с ним натянутой нитью, и эту нить перерезали. Она не удержалась на ногах, он, правда, тоже, но её подхватил де ла Мотт, хотел куда-то там отвести, но она вырвалась и убежала. Теперь уже – к себе. Не видеть ужасного принца, не слышать его голос, и чтобы за руку он тоже не держал!

К счастью, платье не пострадало. Одиль помогла раздеться, лиф и юбку аккуратно сложили на стул, развязали все шнуры и ленты, осталось только отдать. Но пока Мадлен не чувствовала себя в силах выйти – ни сама, ни отправить Одиль со своим поручением.

И неизвестно, сколько бы она ещё так просидела, но дверь отворилась, и смущённая Одиль пропустила в спальню Жакетту де Роган. Что ей тут надо?

– Здравствуйте, госпожа Мадлен, – улыбнулась принцева дочка. – Господин Жиль прослышал, что вам нездоровится, и послал меня вам помочь. Вы позволите? Я целитель, я умею.

Дочь принца – целитель? Впрочем, почему бы и не быть дочери принца целителем?

Госпожа Жакетта села на табуретку возле постели, взялась

за одну руку Мадлен, потом за другую – но в этом не было ничего особенного, просто слушала ток крови. Взялась за виски, положила ладонь на лоб – тоже что-то слушала.

Пахла она хорошо. Было там какое-то непоколебимое спокойствие, как у принцессы Катрин, и жизнерадостность юности, и влюблённость – наверное, так она ощущается, когда у других, не у тебя. Ну да, у госпожи Жакетты есть жених, наверное – по сердечной склонности, у него ж ничего нет.

– Госпожа Мадлен, я не вижу ничего особенного, кроме упадка сил. И, кажется, упадка духа.

– Всё так, – кивнула Мадлен. – Наверное, завтра я буду в порядке.

– Господин Жиль просил передать вам свои извинения – он не должен был пытаться привлечь вас к себе магическим путём. Вы ему очень нравитесь, – улыбнулась принцесса. – Он не очень знает, как вам понравиться, вот и делает... разное.

– Он... желает мне понравиться? – изумилась Мадлен.

Никто в этой жизни не желал ей понравиться. Все приказывали или требовали.

– Да, это правда. Его немного заколдовали, – улыбнулась госпожа Жакетта, – он не может причинить вам вред, или попытаться заставить, поэтому он может выглядеть глупо или странно. И вчера в итоге ему досталось ещё поболее, чем вам. И даже сильнее, чем Эскару от него.

– И кто это такой смелый, что заколдовал его?

– Анжелика. Супруга вашего брата. Наверное, единственный человек в мире, от кого он такое стерпел.

Всё это звучало странно – супруга брата, заколдовала принца, чтоб не причинил ей вред. Что вообще происходит?

– Понимаете, господин Жиль – он вообще неплохой человек. Он просто всю жизнь прожил, не как ему положено по праву рождения, а как пришлось, потому что как положено – ему было скучно. Вот он и развлекал себя... как мог и как умел. А как все люди – не умеет. Не держите на него зла, пожалуйста.

– Я... я не держу, – всё это звучало очень странно. – А почему вы называете его – господин Жиль?

– Я ещё не привыкла к тому, что у меня есть отец, – рассмеялась госпожа Жакетта. – Мы познакомились совсем недавно.

– А... ваша матушка? – неужели умерла?

– Она благополучна, спасибо. Мои родители никогда не были женаты. Моя мать была служанкой в замке Безье, и ещё – бастардом, единокровной сестрой покойного графа Флориана. Сейчас она – супруга нового управляющего замком. Я выросла служанкой, и была камеристкой госпожи Анжелики. А потом познакомилась с господином Жилем, когда госпожа Анжелика и граф Саваж отправились в Безье, поговорить с её братом, и попались в ловушку господина Жилия недалеко от замка Акон. Он признал меня дочерью и одобрил мой план – учиться в Фаро, и скоро я это сделаю. Мы

поженимся с господином Орельеном, и после свадьбы вместе с ним отправимся туда

Вот как, оказывается! Принц признал дочь от служанки и выводит её в свет, как бывает-то! И вся его родня её приняла. Конечно, дочь – маг, но всё равно!

Может быть, он не такой уж нехороший человек? Просто... не как все? Так ли это плохо?

Даже если и не плохо, но – страшно. Вчера, когда он заморочил ей голову фейерверком, и заглянул в глаза – она почувствовала себя перед ним абсолютно беспомощной, ещё хуже, чем перед Ангерраном – тот-то был понятен, а от этого неизвестно, чего ждать. Не зря говорят – глаз на мужчину не поднимать. А на мага – и вовсе.

Поэтому... примем извинения и сделаем вид, что ничего не было.

15. Хватит авантюр

Наутро Жиль с трудом разлепил глаза. Вот, теперь он знает, как бывает, когда идёшь против магической клятвы. Кошмарная Анжелика, втянула его дьявол знает во что! Тьфу, зачем он только связался с этой сестрой Саважа, раз с ней так трудно? Зачем она вообще ему нужна? Мало ли незамужних или вдовых особ в приличных семействах? Нужно было всего лишь попросить сестрицу Катрин подыскать кого-нибудь подходящего, и вообще самому можно не участвовать в процессе, такая знатная и влиятельная дама решит всё сама, без его участия. Невесту можно впервые увидеть в церкви перед обрядом и поселить в доме, а то и вовсе увезти в Акон, и пусть себе там живёт, как привыкла, только родит ему ребёнка – или двоих детей. И всё, хватит авантюр.

Хорошо, что вчера Жакетта и впрямь смогла помочь, а то кому-то пришлось бы ещё тащить домой его бесчувственное тело. И так сестрица Катрин охала и кудахтала, и предлагала никуда не спешить, а остаться у неё. Нет уж, зализывать раны лучше дома!

Жиль пришёл в себя довольно быстро, но сил не было совсем. И поэтому дома он просто вытянулся на кровати, и позвал его милость Котальдо, тот, как всякий приличный кот, обладал целительскими умениями. Хоть сначала и пришлось

вытерпеть облизывание лица, шеи, рук и всего, до чего зверь дотянулся шершавым языком, но потом стало легче. И ещё после того, как Жакетта сняла головокружение и боль.

Но утром хочешь или не хочешь, а надо подниматься и отправляться ко двору. Заседания государственного совета происходили не так часто, чтобы их пропускать, да и вообще не следовало давать повод для высказываний о здоровье и возможностях придворного мага, коли уж угораздило угнездиться при дворе.

А это значило – влить в себя чашку арро и Жакеттины отвары, умыться ледяной водой, надеть на себя все эти дурацкие придворные расшитые штуки и громоздиться на Вихря при помощи охраны и де ла Мотта с Аккаренном.

Тем временем Жакетта рассказала новости – кажется, она успела их получить от племянника Лионеля. Госпожа Мадлен тоже нездорова – что, и по ней прилетело? Только ещё не хватало! Жиль очень попросил Жакетту сходить и разузнать, что с госпожой Мадлен. И помочь, если в том возникнет необходимость.

А потом уж нужно было спешить во дворец.

На удивление, совет прошёл спокойно, разве что удивил вылезший из-под какого-то камня, как та змея, Филипп де Безье, младший кузен покойного графа Флориана, возжелавший себе графский титул. Правда, против него выступили единым фронтом – и зять-маршал поддержал, и племянник-коадьютор не остался в стороне. Мол, подождём выздо-

ровления Саважа, послушаем ещё и его соображения. А у него таковые, надо полагать, будут. И вообще, глянуть на этого Филиппа посуровее – он-то не маг, нарываться не будет. У них в семье вообще с магическими способностями сложно – один в поколение, и не более того. И в поколении Филиппа это был покойный Флориан, друг-приятель Жиля, ныне, увы, покойный. А в следующем – его чудесная Жакетта, племянница Флориана. Для остальных Безье магия оставалась тёмным лесом – и хорошо.

А страх потеряют – пусть лишний раз посмотрят, что осталось от стен замка после магической атаки Анжелики де Саваж. Прелюбопытное зрелище. Конечно, ту стену следует заменить, но это когда ещё будет, а пока – отличное напоминание всем, что нечего разбойничать, и нарываться тоже нечего.

А вот после совета Жиля качественно взяли в осаду. Какая холера прослышала о том, что он к кому-то там сватался, да какое вообще кому собачье дело до него и его жизни? Нет, полезли, как мухи на мёд. Или... не на мёд. Помянутая супруга Саважа высказалась бы определённое и жёстче.

Сначала в дворцовом коридоре ему, конечно же, совершенно случайно встретилась баронесса де Тье, и при ней хорошенькая дочка – прямо товар лицом, что называется. Дочка, как оказалось, звалась Агнессой, и страсть как хотела послушать о его, Жиля, странствиях. При этом сама девица отчётливо заворачивала голову на рыжий хвост Аккарена, и

если кого и хотела послушать, так именно его, и вовсе не о чьих-то там путешествиях, а о вполне конкретных вещах, совсем иных. Да-да, на де ла Мотта придворные девицы голов не заворачивали, оценить этого талантливого разгильдяя могла только добрая душа вроде его Жакетты. И ладно.

И на самого Жилья – тоже не заворачивали. Разве что – потарашиться на страшилище, которое откуда-то там вылезло и теперь вдруг придворный маг. Не был бы Роган, как понимал Жиль, не бывать ему тем самым придворным магом, король и его братья любят если не красавцев, то хотя бы просто обычных приличных людей. А мадам Екатерину сыновья слушают далеко не всегда.

Жиль кивнул Роберу д'Аккарену и велел – проводить благородных дам, куда скажут, потом доложиться, и там будет видно, что дальше. Девица Агнесса прямо расцвела от радости – как немного надо такой девице для счастья, честное слово.

А чуть позже объявился граф Валис, провалиться б ему на этом месте. У него, кто бы мог подумать, на попечении племянница. Шестнадцати лет, прекрасна, как рассвет и что там ещё говорят в таких случаях, мечтает выйти замуж за такого достойного мужчину.

Жиль примерно представил, что может подумать о нём ещё одна дева шестнадцати лет. Что-то вроде того, как сказала Мари де Кресси, средняя дочка госпожи Мадлен – как скоро он её съест и не подавится. Поэтому он сурово спро-

сил Валиса – маг ли его племянница. Ах, нет? Ну, тогда он ещё подумает, потому что подходящих дев без способностей в столице пруд пруди. А ему бы, честно говоря, мага.

Жиль говорил всё это совершенно спокойно – у Валисов в семье магов отродясь не было. И у родни их не было. Так что – Валис обойдётся.

Ну, а ему можно отправляться дальше, то есть – домой. Потому что ноги всё ещё плохо держат, и голова слаба, и вообще поспать бы, после вчерашнего.

Но на улице его ждал племянник Лионель. Он передал повеление своей матушки и дорогой старшей сестрицы – явиться на обед.

Жиль сообщил де ла Мотту, что отправляемся в Пале-Вьевилль, а поскольку он уже послал туда с утра Жакетту – тот только обрадовался. И они направили коней на площадь святого Ремигия.

16. Бывшие родственники

Зашла Одиль, и рассказала странное – к Мадлен пришёл Жан-Люк де Кресси, очень просит разрешения с ней поговорить. С чего бы это вообще?

– Ты не спросила, что ему нужно? Он ведь первым сказал, чтоб я убиралась в Варансон, – изумилась Мадлен. – Понимаете, это мой деверь, он теперь старший из братьев Кресси, – пояснила она не успевшей уйти Жакетте. – И я не могу вообразить, о чём с ним разговаривать.

– Может быть, вы оставили в том доме что-то из своих вещей, и он их вам принёс? – хмыкнула Одиль.

– Да наверное оставила, очень уж спешно мы собирались. Но почему сегодня он вдруг обо мне вспомнил? – продолжала недоумевать Мадлен.

– Давайте, я схожу с вами, – предложила Жакетта. – Я не боевой маг, но умею кое-что из защиты. Он не сможет причинить вам вред. А вы узнаете, что от вас хотят.

Вот так. Принцесса-то не только целитель!

– Хорошо, госпожа Жакетта, – согласилась Мадлен. – Давайте сходим – с вами и с Одиль. Где он?

– Его не пустили дальше входа, раз он не пожелал приветствовать хозяев, – усмехнулась Одиль. – Не велено. И позвали меня – узнать, что он хочет. А он захотел говорить с вами.

Мадлен надвинула чепец посильнее на голову, чтоб никто ничего не подумал, глянула в зеркало – ничего особенного, только синяки под глазами, и сказала – что готова идти.

Недалеко от парадного входа в Пале-Вьевилль была устроена гостиная – для таких посетителей, которых было нежелательно приглашать внутрь, или если они вдруг сами не желали идти к хозяевам. В такой гостиной и сидел сейчас Жан-Люк де Кресси – крепко сбитый малый тридцати девяти лет, не худой и не толстый, по сравнению с покойным Ангерраном у него и брюха-то почти не было. Он обычно не забывал с утра пройтись по волосам гребнем – как-никак, бывал при дворе чаще других, и старался одеваться поярче и поприличнее остальных. Что значит старался – «Мадлен, зашей рукав! Мадлен, у меня оторвалась эта клятая завязка, наверное, ты в прошлый раз плохо её пришила! Ангерран, у меня порвались штаны и кончились деньги!» Иногда, впрочем, его покровитель при дворе, главный ловчий граф де Февр, давал ему денег, и тогда он командовал – сшить ему новых сорочек и сходить с ним к портному, чтобы заказать новый дублет или шоссы. Если не пропивал и не проигрывал всё раньше, конечно.

И сейчас Жан-Люк сидел на лавке и нетерпеливо барабанил пальцами по небольшому столику. О да, дублет ему никто не чистил, и сапоги – тоже. Нет, у Мадлен не находилось добрых слов в адрес этого брата её покойного мужа.

– Добрый день, Жан-Люк, – кивнула она, входя. – Ты зна-

ком с её высочеством Жакеттой де Роган?

– Приветствую вас, – он услышал титул, подскочил, будто его булавкой укололи, и раскланялся. – Здравствуй, Мадлен.

– Я слушаю тебя, – Мадлен села на лавку напротив Жан-Люка, рядом с Жакеттой. – У меня не так много времени, так что – переходи сразу к сути, пожалуйста.

– Мадлен, – он, как будто, не ожидал, что она сразу заговорит о деле и пару мгновений изучал её своими почти чёрными глазами, – возвращайся домой.

– Это куда? – поинтересовалась она.

– Ну... на улицу Сент-Этьен. А у тебя есть другой дом? – изумился он.

– Конечно. Варансон. И кто, как не ты, говорил мне – забирай свой выводок, и проваливай?

– Ну, я это, – он даже смутился немного как будто, – я же не всерьёз, как ты могла подумать-то! Я ж не думал, что ты сразу сбежишь! Если бы подумал, то и не сказал бы, веришь?

Мадлен не верила, но это было совершенно не важно. С чего это вдруг полный поворот? Он же прямо слюной брызгал, когда говорил, что теперь тут – его дом, и нечего в нём лавки просиживать и полы протаптывать, ни ей, ни девочкам.

– Ты был очень убедителен, – покачала она головой. – Извини, но – нет. Я не вернусь на улицу Сент-Этьен.

– Но ведь Вьевилли не будут кормить тебя всю жизнь, – пожал плечами Жан-Люк. – Погуляла – и будет. И девчонок

возвращай домой – нечего им приживалками по чужим домам болтаться, они ж наши, тем более Аделин маг!

Ох ты ж, даже вспомнил, что Аделин – маг. В этом, что ли, всё дело?

А он тем временем продолжал.

– Ты вообще могла бы выйти замуж за одного из нас, кто тебе больше по душе!

Ну вот, приехали. Ещё только не хватало!

– Это за кого? За Оноре или за Гектора?

– Да за кого хочешь, – смутился он.

– Ни за кого не хочу, – отрезала Мадлен. – Говори уже, что надо, и разойдёмся.

– Да просто хотел попросить прощения и вернуть тебя домой. Дом-то без тебя тоже скучает, веришь?

Вот в это Мадлен была готова поверить без вопросов. Уж конечно, там некому командовать хозяйством, вот и заметили, что её нет!

– И девчонок твоих мы любим, на самом-то деле. Аделин уже скоро надо будет жениха искать, и что, ты, можно подумать, сможешь сама ей кого-то найти? А она маг, ей бы кого попримечнее, и не забывай, я служу при дворе, у меня больше возможностей, чем у тебя!

Мадлен похолодела – что, им нужна Аделин? С Жан-Люка стало бы обещать её в жёны кому-нибудь, не прямо сейчас, конечно, но – в будущем. Деву-мага благородного происхождения могут взять и без приданого, смотря кто её захочет.

– До её замужества ещё много воды утечёт, – покачала она головой. – Нет, Жан-Люк, я не вернусь. Если ты не справляешься с хозяйством – найми ещё людей. Про Аделин забудь – мужа ей найдёт Жанно, и уж получше, чем мог бы ты. Про остальных – тоже забудь. Я желаю тебе доброго здоровья, и не желаю больше тебя видеть, – Мадлен поднялась, вынуждая его встать.

– Мадлен, ты что, обиделась? Ну так прости, я ж не хотел тогда тебя обидеть! Очень уж был расстроен тем, что Ангерран преставился. Мы ж всегда к тебе по-доброму относились!

Уж конечно, так по-доброму, что как вспомнит – так вздрогнет.

– Отправляйся, и я надеюсь больше тебя не встречать, – сказала Мадлен, направляясь к двери.

– Ты пожалеешь о своей строптивости, – он впился в неё взглядом, но куда ему до хромого принца!

Тот умеет, и его преосвященство Лионель умеет. А этот – нет.

– Ты сам всё решил, за меня и за девочек. Ступай.

Жан-Люк хотел было взять её за руку, но под взглядом Жакетты смешался. Сунул пальцы за пояс.

– Смотри, не передумай! Я с тобой по-доброму, понятно? Больше не буду!

– И слава богу, что не будешь, – припечатала она. – Идёмте, ваше высочество. Господа, Жан-Люк де Кресси уже ухо-

дит, – Мадлен кивнула стражникам у двери, – проводите его, будьте добры.

Подхватила её высочество Жакетту под руку и пошла в коридор. Одиль двинулась за ними.

А в их комнатах стоял дым коромыслом. Оказывается, какой-то неизвестный человек пробрался во внутренний двор, где гуляли дети, и пытался уговорить Луизу покинуть дом Вьевиллей вместе с маленькой Шарлоттой – за вознаграждение. Луиза обрушила на его голову всевозможные проклятья и позвала стражу, но тот сделал вид, что дурачок и ничего не знает. Правда, его всё равно увели.

Ну вот, час от часу не легче. Что это вообще такое и как дальше жить?

17. Непонятные происки

Жиль появился на пороге Пале-Вьевилль с племянником и де ла Моттом, и застал там суету. В полумраке караулки начальник стражи тряс какого-то парня, по виду – обыкновенного горожанина, таких во всякой лавке пять из пяти.

– Кто это и чем он вам не угодил, Севиль? – поинтересовался племянник, выпуская пару магических шаров для освещения.

– Понимаете ли, ваше преосвященство, этот оборванец пытался увести из дворца меньшую дочку сестры графа Саважу, с нянькой вместе. Хорошо ещё нянька сообразительная, крик подняла и стражу позвала. И я хочу узнать – зачем это ему понадобилось.

– Дочку госпожи Мадлен? Ту, самую маленькую? – не поверил Жиль.

Подошёл, взял парня за шиворот и встряхнул. С рука-ми-то у него всё в порядке, чай, не ноги.

– Не уморите его совсем, дорогой родич, – заметил за плечом Лионель. – Давайте лучше расспросим его хорошенько.

О да, этот племянник – мастер расспрашивать хорошенько, он умеет. Ему можно в этом деле доверять.

Жиль вернул парня ногами на пол, но подумал, что если будет нужно – приподнять и встряхнуть можно всегда.

– Как тебя зовут? – спрашивал тем временем племянник обманчиво мягким голосом.

– Андре, – проговорил тот. – Андре Туссен.

– И откуда ты взялся на наши головы, Андре Туссен?

– Случайно, – начал было тот, но поперхнулся и закашлялся.

– Знаешь, Андре, кто я? Королевский дознаватель. А это знаешь, кто? – племянник кивнул на Жиля. – Королевский маг. Нам врать бесполезно. Говори, как есть.

Как есть оказалось мутно. У этого Андре Туссена был старший брат, а у брата – закадычный друг, и этот-то друг проживал и работал в Пале-Вьевилль – чистил и растапливал камин. Поэтому-то Андре смог проникнуть во дворец и передать Луизе, няньке на службе у госпожи де Кресси, что их с девчонкой очень ждут в доме на улице Сент-Этьен. И пообещать вознаграждение – если она с ним по доброй воле пойдёт и девчонку приведёт. А для чего то братьям де Кресси – про то ему неизвестно, он человек маленький, всего-навсего ходит за конём господина Жан-Люка, и то его пока ещё не совсем взяли и обещали в шею выгнать, если вдруг что не так.

А когда пойманный закончил говорить, то Севиль, начальник охраны, добавил:

– А ведь помянутый Жан-Люк де Кресси тут был, недавно только ушёл. Говорил с госпожой Мадлен, чего-то от неё хотел, кажется – чтоб к ним домой вернулась. Вроде угрожал

под конец, так говорят те, кто был поблизости.

– И госпожа Мадлен пошла с ним говорить? – нахмурился Жиль.

– Пошла, – подтвердил начальник охраны. – Но не одна, а с дочкой вашего высочества.

О, и здесь Жакетта помогла, необыкновенная девочка, за что только господь наградил его такой чудесной дочерью!

– Значит, госпожа Жакетта обладает сведениями из первых рук, – заключил племянник. – С ней бы поговорить, а потом уже – с госпожой Мадлен. Не нравится мне вся эта деятельность господ де Кресси. Сами, можно сказать, выставили за порог вдову своего брата со всеми детьми, а теперь передумали? Как-то нехорошо это выглядит, да и является таким же, наверное.

– А с этим что делать? – кивнул Севиль на пленника.

– В подвал? – нахмурился Жиль.

– А зачем он нам в подвале? – усмехнулся племянник. – Ещё и кормить там его, паразита. Давайте лучше отпустим. Его не били, синяков и ссадин нет, вернётся он без девочки – вот пусть господа Кресси и думают, как он отсюда ушёл, что нам рассказал, а о чём смог умолчать. Можно ему даже небольшую денежку дать.

– Вы коварны, – усмехнулся Жиль.

– Какой есть, – поклонился племянник.

Когда за Андре Туссенем захлопнулась дверь наружу, Лионель сказал:

– И слежку за ним, немедленно.

Севиль кивнул, отдал распоряжение – и двое его людей выскользнули на улицу.

Теперь можно было разговаривать с дамами.

Жакетта пришла в гостиную сестрицы Катрин, где уже расположились и Жиль, и Лионель. Вежливо приветствовала тётку и кузена, оглядела Жилия, приложила два пальца к его правому виску. Очень своевременно – вернувшаяся было боль поутихла.

– Госпожа Жакетта, чего хотел от нашей гостьи болван Кресси? – сразу взялся за дело Лионель.

– Чтобы она вернулась домой. И он не обманывал – ему в самом деле этого хотелось, – усмехнулась Жакетта. – А госпоже Мадлен – вовсе нет. Что-то он говорил о том, что в доме без неё плохо, что её готов взять за себя любой из его младших братьев, и что он желает найти жениха для старшей дочери госпожи Мадлен, Аделин. Наверное, потому, что у девочки бесспорные магические способности. И под конец вправду угрожал – говорил, что сейчас с ней по-доброму, а больше так не будет. Госпожа Мадлен от всего отказалась и ушла, а его вывели.

Жиль просто кипел – какова наглость! Мало того, что эти насекомые вообще поднимают глаза на госпожу Мадлен, так ещё и пытаются ею командовать! Он жалел, что сам не видел этого де Кресси – чтобы уже показать ему, на каком он свете, и где на этом свете его место по праву рождения.

Лионель оставался спокоен – истинный церковник. И дознаватель.

– Благодарю вас, госпожа Жакетта, за подробный рассказ. Нужно будет отдать приказание – чтобы никого из Кресси и близко к дому не подпускали. Мы не желаем их здесь видеть. А сейчас, я думаю, нужно поговорить с госпожой Мадлен. Родич, вы со мной?

Жиль подумал, что ему очень хочется пойти и поговорить с госпожой Мадлен. Но он предполагал, что вряд ли она обрадуется, увидев его – после вчерашнего-то. Поэтому...

– Я вчера поступил с ней не слишком благородно, – вздохнул Жиль. – И сегодня разве что передал свои извинения.

Жакетта улыбнулась.

– Она их приняла.

– Вот и хорошо. Нет, если возникнет необходимость – я готов помочь ей любым возможным для меня образом. Но – только если возникнет необходимость.

– Пусть так, – усмехнулся племянник, – я буду иметь это в виду.

18. Неожиданное предложение

Луиза причитала. Одиль ругала братьев Кресси всех разом и каждого из четверых по отдельности, и живых, и покойного. Николь стояла с вытаращенными глазами, схватившись за голову и разинув рот. Шарлотта и Мари облепили Мадлен с разных сторон, и отцепить их можно было только

под страхом смерти. Аделин сидела на полу, выпускала осветительные шарики и приговаривала: этот дядюшке Оноре по лбу, а этот – дядюшке Гектору за шиворот, а этот – дядюшке Жан-Люку в задницу. Мадлен не удержалась, рассмеялась, хоть и понимала – нельзя, с Аделин станется что-нибудь такое повторить в людях, и ещё сестёр подучить. Но так хотелось уже просмеяться или проплакаться – после всего, что обрушилось на неё за последние два дня. Или две недели. Или даже чуть больше... Но – не сейчас.

Мадлен смотрела и понимала, что у неё нет сил прекратить всё это буйство чувств вокруг. Поэтому просто смотрела, слушала – и немного смеялась.

– А почему только дядюшке Жан-Люку в задницу? Всем им в задницу, – со знанием дела громко сообщила всегда самая воспитанная из девочек, Мари.

И надо же было, чтоб именно в этот момент постучался и вошёл его преосвященство де Вьевиль! Оглядел хаос вокруг. Камеристки замолкли, Шарлотта сильнее вцепилась в юбку Мадлен, Аделин от неожиданности уронила все свои шарики на пол.

Его преосвященство собрал их в ладонь и подмигнул Аделин.

– Госпожа Аделин, вы позволите мне зайти?

– А... да, – кивнула дочь. – Заходите.

– Девочки, ступайте, нам с его преосвященством нужно поговорить, – Мадлен попыталась быть суровой, но кажется,

у неё не вышло.

Правда, помогла Одиль – собрала всех, больших и малых, и увела в комнату девочек.

– Госпожа Мадлен, с вами и детьми всё в порядке? – друг Жанно смотрел участливо.

– Да, благодарю вас, – торопливо кивнула Мадлен. – Располагайтесь, пожалуйста.

– Непременно, – улыбнулся тот. – Расскажите, что случилось сегодня. Я уже знаю кое-что, но пока не понял, кто всё это затеял и для чего.

– Да я сама не поняла. То есть понятно, конечно, что дом у них зарос, потому что некому слугами командовать, а сами они не разбегутся, ну так для этого можно нанять управляющего! А нет денег – ну, придумать, где добыть. Пойти на службу к кому-нибудь – кто знатнее или богаче, в конце концов. Я-то зачем!

– К вам они привыкли, наверное, им сложно вообразить кого-то нового в своём доме. А вы, как я понимаю, решали все их насущные хозяйственные вопросы.

– Верно, – кивнула Мадлен. – Но раз уж на то пошло, Гектор или Оноре могут найти себе жён, уж наверное кто-нибудь может польститься на их благородное происхождение!

– Да и Жан-Люк тоже, – кивнул господин Лионель.

– Он – нет. Вы не знаете этой истории? – рассмеялась Мадлен.

– Нет, представления не имею, что там. Рассказывайте,

госпожа Мадлен.

– Он как раз женился тем самым образом, около четырех лет назад. На незнатной, но богатой девице. Эдмонда – так её звали – принесла недурное приданое, но – в деньгах. Она надеялась на блестящую придворную жизнь, и думала, что милостью его величества её капитал преумножится, но всё оказалось совсем наоборот – на четверых де Кресси её денег было не так уж и много, потому что они как с цепи сорвались – понеслись заказывать себе новые наряды, покупать коней, играть в кости и карты, и что там ещё можно делать. Даже на ремонт городского дома не хватило, хоть я об этом и говорила, но кто бы меня слушал! И когда за пару лет от тех денег не осталось ничего, да так, что Жан-Люк заложил даже её жемчужные бусы, она взяла свои оставшиеся украшения и те деньги, что смогла найти в доме, и сбежала. Кажется – с кем-то из приятелей Жан-Люка по службе у графа де Февра.

– Ничего себе история, – качал головой господин Лионель. – И что сказал по этому поводу господин Жан-Люк?

– Он был в ярости, – вздохнула Мадлен.

Почему-то все подумали, что в этом побеге виновата Мадлен, хотя они с Эдмондой даже и не дружили особо. Ангерран запер её в спальне, два дня не позволял её кормить и не давал видеться с девочками, а Шарлотта была ещё совсем крошкой, ей и двух лет не исполнилось. Если бы не Жанно, который заинтересовался, почему она не отвечает по магической связи, и явился к ним домой это выяснить – кто знает,

сколько бы Мадлен так просидела. Жанно братья де Кресси боялись, поэтому выпустили её и тут же попрятались – чтобы не схлопотать, с его тяжёлой рукой они к тому моменту были знакомы – все четверо. Он против них обычно даже магией не пользовался – говорил, нет нужды.

Хорошо, что на свете есть Жанно. И его друзья.

– Знаете, госпожа Мадлен, у меня есть для вас предложение. Не отказывайтесь сразу, подумайте, – сказал господин Лионель. – У меня есть охотничий дом, он в полутора днях пути от столицы и очень хорошо защищён. Во время беспорядков там останавливались их величества, сейчас там гостит королева Рокелора с ближними дамами. Я предлагаю вам отправиться туда и некоторое время там побывать. У меня не бывает никакой светской жизни, там тихо, спокойно и очень уединённо. Вас и ваших девочек там никто не потревожит.

Что? Принять покровительство господина Лионеля? Вроде и нет в этом ничего предосудительного, всё же, он – лицо духовное, но... Вот прямо в его дом? С девочками?

– Но наверное... это не слишком удобно?

Он рассмеялся.

– Как говорит ваш брат, госпожа Мадлен, спать на потолке неудобно, простыни на пол валяются. И ещё кое-что делать – там же.

Ох, Жанно может сказать, это точно. Мадлен не удержалась, представила, рассмеялась.

Кажется, именно этого ей и не хватало – она смеялась и никак не могла остановиться, а потом ещё и заплакала. Господин Лионель взял её за руку и держал – просто держал, Жанно бы сделал так же. Нет, Жанно бы ещё обнимал и гладил по голове, а рыдать на груди у высокопоставленного духовного лица...

Впрочем, господин Лионель всё понял правильно, и Мадлен с удивлением обнаружила себя именно что рыдающей у него на груди. Отстранилась.

– Простите меня, ваше преосвященство.

– Не за что вам просить прощения, дорогая госпожа Мадлен. На вас обрушилось столько, что не всякий закалённый воин вынесет, а вы переносите все удары судьбы с большой стойкостью. Поэтому – подумайте.

Мадлен в растерянности взглянула на него. Лионель де Вьевиль – её ровесник, но – как будто старше даже и своего дяди-принца. От него пахло тайнами, загадками, большой властью, и где-то под всем этим дремала ещё и сила – большая сила, как у Жанно. Угрозой или чем ещё сомнительным или странным, подобно дяде-принцу, от него не пахло совсем.

– Я скажу вам... вечером. Хорошо? – пробормотала она.

– Хорошо, – улыбнулся он. – Не торопитесь, подумайте.

Совершенно светски поцеловал ей руку, стремительно поднялся и ушёл.

Мадлен умылась, вернула на голову свалившийся дав-

ным-давно чепец и пошла проведать девочек. Они смиренно обедали – Николь командовала, а Луиза рассказывала им какую-то поучительную историю про трёх поросят, один из которых жил в домике из соломы, второй – из веточек, а третий – из камня. И когда волк пришёл съесть всех троих, они спаслись только благодаря каменному дому третьего брата. Так может быть, ей тоже надо отправиться в каменный дом и в нём переждать и волков, и непогоду, и что там ещё бывает?

Для уверенности она ещё попробовала вызвать по магической связи Жанно, и у неё получилось. Он был бодр, хоть и бледен, очень рад её слышать, и тут же велел рассказывать все новости. Она рассказала – всё, без утайки, о визите Жан-Люка и о предложении Лионеля – тоже. Жанно сказал не думать ни мгновения и соглашаться – дом отличный, дорога безопасная, её там не найдут никакие де Кресси, а там уже и он приедет, и будет видно, что дальше.

И только когда они завершили разговор, Мадлен поняла, что ни слова не сказала о хромом принце и его сватовстве, потому что проклятые Кресси отодвинули всё это далеко-далеко. Ладно, ещё успеется. Они это ещё обсудят.

19. Размышления

Лионель де Вьевилль, младший сын королевского маршала, коадьютор Льенского архиепископства и королевский дознаватель был рад, что жизнь подкинула ему очередную загадку. Конечно, дел хватало и без того – и всякие мелочи, ежедневно происходящие при дворе, и дела графства Безье, требующие постоянного участия. И ещё в охотничьем доме гостит её прекрасное величество Маргарита, кузина Марго, и её хорошо бы навещать хотя бы пару раз в неделю. Она, конечно, уверяет, что совсем не скучает, но Лионель ей не верил – недаром её двор считался самым весёлым из всей королевской семьи. Уж конечно, ей не хватает привычных развлечений.

Но история с госпожой Мадлен и братьями де Кресси тоже требовала внимания и участия.

Конечно, в Пале-Вьевилль будет усилена охрана, и посторонних внутрь не пустят, даже если они чьи-то там друзья или, не приведи господь, родичи, кузены или малые дети. Но какова наглость-то – попытаться увести ребёнка с нянькой, можно сказать, на глазах у всех!

Когда Лионель допрашивал пойманного Андре Туссена, он поставил на него невидную простому человеку магическую метку – обычная слежка обычной слежкой, а самому

тоже не лишним будет иметь возможность проследить – и, может быть, подслушать. Скажем, разговор того самого Туссена с его хозяином Жан-Люком Кресси, за конём которого парень, как оказывается, приглядывает. И даже если Туссен вернётся в дом на улице Сент-Этьен не сразу, от него ведь всё равно захотят доклад – где был, что делал, почему не преуспел. И если Лионель что-то понимал в людях – захотят как можно скорее.

В общем, так и произошло. Туссен из Пале-Вьевилль подался вовсе не к де Кресси, а домой, и стал уговаривать старшего брата куда-нибудь его спрятать, потому что де Кресси, мол, и сами впутались во что-то непотребное, и его туда же затащили. А он человек честный, бога гневить не хочет, и нарываться на Вьевиллей не хочет тем более, потому что он не дурак, и что де Кресси против Вьевиллей? И похоже, Вьевилли сильно заинтересованы в той вдове, что сбежала от де Кресси, так что пусть Жан-Люк сам с ними и бодается, если совсем страх потерял.

Всё это Андре Туссен изложил старшему брату и попросил найти ему какое-нибудь убежище, чтоб отсидеться – потому что найти могут как Кресси, так и Вьевилли. И если Вьевилли хотя бы знают, что он хотел им напакостить, но не успел, то Кресси не в курсе, как он попался. С другой стороны, могли бы и подстраховать его как-нибудь – в конце концов, не в домик лесника отправили, а в гнездо могущественных магов, могли бы и о какой-никакой защите позаботить-

ся.

Лионель слушал и усмехался – надо же, какой сообразительный малый, просто сокровище! Только каким местом раньше-то думал, когда согласился проникнуть в то самое гнездо могущественных магов – своей головой или задницей коня Жан-Люка де Кресси?

До конца дня Лионель ещё узнал, что означенные де Кресси встревожились, когда Туссен не явился на улицу Сент-Этьен. Сначала Жан-Люк послал в дом его матери кого-то из своих людей, но тому не открыли, а потом – явился сам, да с отрядом, и пригрозил, что разнесёт дом по камушку, если его не пустят на порог. Пустили только после того, как тот поклялся именем своей матери, что не причинит вреда семейству Туссен, и – только его одного.

Жан-Люк сначала просто спросил – чего это его конюх не явился, как положено, работать – или его, как и обещали, выгнать взащей? Да ещё пустить слух, что приворовывает, чтобы его потом ни в один приличный дом не взяли?

Правда, тут за Андре вступился старший брат, и прямо сказал – что нечего парня в своих тёмных делах использовать, а особенно – против магов, против магов пусть господа де Кресси сами идут, раз такие смелые. Или, может, у них какая защита есть? Так надо было Андре ту защиту дать, прежде чем посылать его в рассадник магических чудовищ. Это ж надо было додуматься – сопляка отправить без ничего в дом маршала Вьевилля, да там даже последняя амбарная

крыса магией владеет, это ж всем известно!

И похоже, что тот старший брат объяснял свою позицию не с голыми руками, потому что Жан-Люк как-то прямо удивительно не возражал. Вдруг пошёл на попятный, сказал, что вопросов к Андре не имеет. И вообще предпочёл бы, чтоб тот вернулся работать – потому что кто-то должен смотреть за его, Жан-Люка, конём. И может быть ещё за конями других братьев. Что это – желание отомстить на своей территории? Недостаток прислуги? Или ещё что-то, о чём Лионель пока не имеет никакого понятия?

Но ясно, как день, что нужно копать дальше. Следить за этим парнем, Андре – хотя бы ещё пару дней, следить за особняком Кресси – кто туда приходит, к кому и зачем, и за самими братьями Кресси тоже бы последить. За Жан-Люком – особенно. Лионель прямо жалел, что не застал его в Пале-Вьевилле и не одарил такой же меткой, как и его конюха. Но впрочем, не исключено, что он ещё появится на горизонте, там и поглядим.

И ещё как будто было что-то сказано, что-то важное, у Лионеля осталось ощущение, будто он это упустил. С другой стороны, если и в самом деле важное – ещё вылезет.

А пока – отправить госпожу Мадлен подальше от столицы и от двора. Упускать её из виду совсем не хотелось – всё же, какая-то тёмная с ней история, поэтому – нельзя ей ни в её Варансон, ни к госпоже вдовствующей графине в Саваж. Лучше уж поблизости, чтоб если что – далеко за ней не бе-

гать.

Опять же, у дядюшки Жилия к ней, кажется, пробудился нешуточный интерес. А она, бедняга, отродясь ничего подобного не видела ни в девичестве, ни в замужней жизни, вот и пугается. Матушке прямо забавно смотреть, как всё это происходит – надо же, Жиль де Роган взялся играть по правилам, в его-то возрасте. Ничего, не маленький, разберётся. Оба они разберутся. Если Лионель что-то понимает в людях, то – у дядюшки очень неплохие шансы, просто нужно дать прекрасной даме возможность перевести дух. А то сначала такие перемены в жизни, а теперь – и вовсе хаос, тут не до ухаживаний и не до кавалеров, даже если обычных.

А дядюшку Жилия счастье обычным было никак нельзя.

И Лионель надеялся, что сестра Жанно сможет эту необычность оценить, и не просто рассудком оценить, а даже и влюбиться.

И отчего бы не помочь необыкновенному родичу и не очень-то счастливой красивой даме, сестре дорогого друга?

Лионель посмеялся, что становится похож на матушку – та тоже хочет, чтобы все вокруг были счастливы. И кузен Анри, и тот же Жиль, и Жанно Саваж, и его сестра.

Сестра, кстати, подумала – и согласилась принять его приглашение. Лионель подозревал, что решиться ей помог как раз Жанно, который не мог прибыть и присмотреть за всем лично, равно как и поставить на место зарвавшихся родичей Мадлен, но понимал, что в доме Лионеля её не достать.

Раз так, то можно вспомнить и о своём странном счастье, которое скрывалось от супруга в том самом охотничьем доме. И попросить Орельена помочь с порталом – для скорости.

20. Легенды и жизнь

Записку принесла доверенная служанка прекрасной Антонины. В ней значилось заносчивое: «Если вы любите меня так, как говорите, и как обещают мне ваши глаза, то вы найдёте путь для того, чтобы воссоединиться со мной».

Из сожжения записки Жиль устроил целое представление – для той горничной, конечно. В его руках полыхало пламя, оно меняло цвет, и в конце от желтоватого клочка бумаги не осталось даже пепла. Другое дело, что Жиль мог восстановить эту записку в любой момент... но о том ни прекрасной Антонины, ни её горничной знать было не обязательно.

Двадцатидвухлетний франкийский принц был принят в Ниалле, как то ему и подобало, королева Сибилла видела его не меньше чем женихом младшей дочери – старшая уже была к тому моменту просватана. Младшей же было лет восемь, что ли, до нормального брака – как до небес, да и сомневался Жиль, что отец, принц Людовик, согласится замолвить за него в этом вопросе словечко – очень уж нехорошо они в последний раз расстались.

Поэтому Жиль смотрел не на юную принцессу Теобальду, а на прекрасных дам здешнего двора.

И среди них первой была красавица Антония – муж её отправился куда-то с военным походом от имени её величе-

ства, а супругу свою без сомнений оставил под бдительным оком суровой королевы. Её величество Сибилла вдовела, но правила королевством твёрдой рукой. Сама она не давала ни малейшего повода заподозрить её в чём-то предосудительном, и от детей своих, и от приближённых требовала того же.

Поэтому супруг прекрасной Антонии спокойно отбыл на море, а она осталась дожидаться его возвращения в самой высокой башне королевского дворца. Та башня так и называлась – Башня Дам, потому что жили в ней придворные дамы – её величества и обеих принцесс. Дворец и так стоял на скале, возвышаясь над городом, а Башня Дам являла собой самую высокую точку дворца.

– Скажи, красавица, как я узнаю, в котором покое живёт твоя прекрасная госпожа? – Жиль глянул в глаза служанке так, как умел, чтобы ему ответили быстро и правдиво.

– На её окне будет свеча. Она всегда так делает, каждую ночь. Говорит – чтобы та свеча служила маяком для всех заплутавших кораблей, и может быть, кто-нибудь так же зажжёт огонь для её странствующего супруга.

Это было, конечно, очень мило, но лезть в башню снаружи Жиль не собирался.

– А как там с антимагической защитой? – спросил он.

Королевская семья Ниаллы – не маги, хоть и могущественны, как не всякая магическая династия. Но знают о магических искусствах не понаслышке – держат придворных магов обоёго полу и разных умений.

– Я слышала, что магическая защита – на внешних стенах дворца. Вход в башню сторожат охранники, они обычные люди. Все маги стерегут покои королевы, принцев и принцесс.

Ну вот и проверим, усмехнулся про себя Жиль.

Первым делом он погрузил девчонку в сон – до рассвета. К этому времени он уже должен вернуться, что там делать-то так долго, придёт – и разбудит. А потом усмехнулся и изменил свою внешность. Глянул в большое зеркало – всё верно, никто не заподозрит в камеристке гостя с севера и мага, особенно если он не забудет активировать маскирующий силу амулет, вот и проверим, насколько хорошо он работает, это его недавняя придумка. А дальше он вспомнил ощущение от той записки – прекрасная Антония держала её в руках, это было бесспорно, он не мог ошибиться – и это ощущение должно было привести его прямо к ней.

Жиль выскользнул из своих комнат и прикрыл глаза. Тьфу, как же неудобны эти дурацкие юбки, как только женщины вообще в них ходят! Но он оказался прав – до спешащей куда-то служанки нет дела решительно никому. Дважды в глубине боковых коридоров он ощущал магов – но амулет работал исправно, на него не обратили никакого внимания.

Вход в Дамскую Башню охранялся.

– Что-то ты, Нанна, нынче припозднилась, – подмигнул кудрявый парень.

– Дела госпожи, – догадался опустить глаза Жиль.

– Госпожа госпожой, а о себе забывать тоже не след, – он взял было Жиля за руку, и тут вся маскировка едва не полетела к чертям, потому что первой реакцией Жиля было – вывернуть ту руку, на пол наглеца да поддать, и для такого дела ему бы даже магическая сила не понадобилась.

Опомнился, сообразил, кто он, где он и зачем, шлёпнул охранника по руке, поморгал. Помогло, тот разжал пальцы, и – только Жиля и видели.

И потом добраться до самого верха башни было уже плёвым делом.

Он постучался и вошёл – вряд ли меж прекрасной Антонией и её камеристкой водятся какие-то дополнительные церемонии. И оказался прав – дама, несомненно, ожидала, и он услышал дивный голос:

– Ну как? Что он сказал, Нанна? Он хотя бы попытается?

– А если нет? – прошептал Жиль, не меняя пока облика.

– Я расстроюсь, – вздохнула красавица.

Она была одета в одну лишь сорочку из тончайшего полотна, её тёмные, как ночное небо, волосы были распущены по плечам и спускались ниже талии. Окно спальни и впрямь было распахнуто, а на подоконнике стояла горящая свеча.

– Не стоит, госпожа моя, – выдохнул Жиль, принимая свой обычный облик.

– Вы? – он не смог с ходу прочитать, чего больше было в том возгласе – удивления или удовлетворения.

– Я, госпожа. Видите – я преодолел все преграды, и я у

ваших ног. От вас лишь зависит, уйду я отсюда счастливейшим из смертных, или же самым несчастным человеком в вашем прекрасном городе, – Жиль изящно преклонил перед ней колени, коснулся губами подола сорочки, а потом обхватил колени под тонкой тканью.

Прекрасная Антония только вздохнула – а он уже нёс её к постели, и там уже и поцеловал, и потом ещё раз поцеловал, и снял с неё эту сорочку, чтоб любоваться всеми изгибами молодого тела, и потом снова целовал – так, что ей захотелось самой раздеть его и добраться до всего, что скрывала многослойная придворная одежда. И Жиль не знал, что там у прелестницы с супругом, но ему она была несомненно рада – и он постарался только преумножить ту радость.

Но незадолго до рассвета любовникам пришлось расстаться, потому что Жиль помнил об оставшейся в его покоях Нанне. Антония поняла и не удерживала его, хоть и пыталась расспросить – как он пройдёт теперь мимо охраны, обычно дамы и их служанки ночами никуда не ходят. Жиль велел ей не беспокоиться и ничего не говорить Нанне, когда та придёт – пока сама не очнётся.

А дальше было просто – в башне Жиль магов не чувствовал, ни одного. Он оделся в невидимость и бесшумно спустился вниз, к посту охраны. А там сделал то, чего раньше не пробовал никогда – обратился котом и бесшумно проскользнул меж ног того, кому нравилась Нанна. Ещё услышал вслед – надо же, кто это такого красавца завёл, раньше не было.

Всё-то они замечают!

Трансформация в животное отнимала очень много сил, больше, чем любой человеческий облик, и больше невидимости. Но нужно было ещё вернуть Нанну домой до рассвета.

Тонкое место – это как раз пост охраны, если б там можно было пройти, не беспокоя их – и вопросов бы не было. Поэтому Жиль в невидимости довёл такую же невидимую камеристку до поста, а там обратил её в мышь – на несколько мгновений, больше не достало сил. Но она успела – прошмыгнула внутрь башни, а там уже оказалась у себя, и никто бы не спросил её – что она здесь делает, хоть бы и ночью.

Любовь придала сил, но то, какими средствами пришлось её добиваться – отняло всё, что было, и что пришло. Поэтому наутро во время службы в честь Великого Солнца Жиль разве что поглядывал на красавицу Антонию – но не подходил к ней и не заговаривал. И от Нанны скрывался – нечего. И вообще, они здесь свои, им проще что-нибудь придумать, а он уже продемонстрировал свои намерения.

Вечером Антония пришла сама. Она вздыхала и плакала, пока довольный Жиль не подарил ей амулет невидимости. И похоже, что тот амулет работал – всю ту декаду, что он оставался в Ниалле, красавица исправно приходила в его покои – очевидно, он пришёлся ей по сердцу не меньше, чем она ему. Она улыбалась и говорила, что надеется на его возвращение, а он предупредил, что амулет – не вечный. Проще говоря, разрядится, когда он, Жиль, покинет город и будет

далеко, но до деталей ли им было?

Когда судьба привела его в Ниаллу пятнадцать лет спустя, не было в живых старой королевы Сибиллы, и прекрасной Антонии – тоже. Но ему рассказали легенду о могущественном маге, который так полюбил одну из здешних дам, что был готов обращаться ради неё и в служанку, и в мышь, и в птицу – чтобы подлететь к окошку, в котором горела для него путеводная свеча.

Жиль ещё подумал, помнится – в птицу ему было тогда сложновато, а то он бы непременно воспользовался этой возможностью, потому что – если по смыслу, то самая простая.

...Он лежал в темноте ночи совершенно один, даже его милость Котальдо отправился охотиться. Сон не шёл, зато вспоминались истории из прошлого, подобные вот этой. Что же, выходит, он может – чтоб легенда, и песни сложили, но как все люди – не может? Упущение, право. И нужно с ним что-то делать.

Наверное.

Часть вторая. Осада по всем правилам

1. Очень большой охотничий дом

Мадлен уже начала привыкать к переездам, но такого стремительного в её жизни не случилось ещё ни разу. Она спросила господина Лионеля – сколько вещей можно с собой взять. Он глянул на неё, будто не понял, о чём речь, а потом рассмеялся и ответил – да сколько надо. Мебель не берите, подмигнул он, лавок и кроватей достаточно. А всё остальное – собирайте, де ла Мотт поможет. Мадлен изумилась, как он может помочь, потому что юный виконт не выглядел человеком, который легко таскает сундуки. Лионель снова посмеялся и объяснил – оказывается, молодой маг владеет редким сокровищем – артефактом портала. И уже обещал помочь доставить в дом Лионеля госпожу Мадлен с детьми и ближними людьми, дорогу он знает, сам там недавно был вместе с его величеством.

Так что сложить в сундуки все вещи, которые успели достать из них в Пале-Вьевилль – и снова навстречу неизвестности.

Орельен де ла Мотт пришёл на следующее утро после завтрака, и радостно сообщил, что готов переправлять госпожу Мадлен, куда она скажет. Следом появился и господин Лионель – в совершенно светской одежде, Мадлен иногда встречала его в таком виде при дворе, но – крайне редко. Девочки сидели рядком на лавке и ждали – когда уже поедет-то, так сказала Аделин.

– А ты уже готова? – спросил виконт. – Тогда вперёд!

Он достал из поясной сумки крупный кристалл – белый, прозрачный, но как будто с синеватой дымкой внутри.

– Что это? А можно посмотреть? – тут же заинтересовалась Аделин.

– Ценный артефакт, – подмигнул ей виконт. – Смотри, – жестом фокусника что-то с ним сделал, и прямо перед ними всеми в воздухе соткался мерцающий серебристый овал с дрожащими краями.

– Здорово, тоже так хочу! – завопила Аделин.

Мари молча смотрела во все глаза, а Шарлотта испугалась и заплакала. Пришлось взять её на руки и гладить по голове, а нос свой она уткнула Мадлен в плечо.

Господин Лионель протянул руку Аделин и шагнул в портал. Девочка пошла за ним с выражением восторга на лице, которое появлялось у неё всякий раз, когда речь шла о магии. Они шагнули в овал – и дальше Мадлен только слышала восторженный визг дочери. Впрочем, Лионель тут же вернулся, да не один, а с парой крепких парней, которым кивнул

на сундуки Мадлен. А сам предложил руку Мари.

Мари вцепилась в юбку Мадлен и всем своим видом показывала, что без матери никуда не пойдёт. Тогда Лионель подмигнул девочке и сказал Мадлен:

– Пойдёмте, госпожа Мадлен. Вы никогда не перемещались порталами? Привыкайте, это удобно и безопасно.

Взял Мари за свободную руку, и они шагнули вперёд все вместе. Мадлен зажмурилась... и открыла глаза, только когда обе её ноги вновь оказались на твёрдой земле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.